

ЗАСТАВЬ ИХ ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕБЕ

18+

ВОЗНЕСЕННАЯ

Грехом

ПОСЛЕДНИЙ ХОД
ПРИНЦЕССЫ

Кора Рейли

Кора Рейли
Вознесенная грехом.
Последний ход принцессы
Серия «Love & Mafia»
Серия «Грехи отцов», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69015598
Вознесенная грехом. Последний ход принцессы:
ISBN 978-5-17-151217-0*

Аннотация

Роковая связь, которой не должно было случиться.

Марселла поставила Мэддокса перед нелегким выбором, и он выбрал ее. Но она по-прежнему задается вопросом: готов ли он к серьезным отношениям или же боится потерять свою драгоценную свободу?

Всю жизнь Мэддокс считал, что знал своих заклятых врагов, но теперь не понимает, кому из окружающих можно доверять, а кто прячет за спиной нож.

Найдет ли он когда-нибудь место в жизни Марселлы и ее семьи или прежние товарищи предоставят ему новый кров и цели?

Смогут ли недавние враги обрести истинную любовь, если обстоятельства играют против них?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	43
Глава 4	61
Глава 5	71
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Кора Рейли

Вознесенная грехом.

Последний ход принцессы

© 2021 Cora Reilly

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Белякова Анастасия, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Мэддокс

Мной овладело чувство неудержимой свободы: несколько дней назад я уехал прочь из тюрьмы. Мне до сих пор не верилось, что Витиелло позволит мне уйти – пусть Марселла и попросила отца пощадить меня, – с учетом того, что он не занимается помилованием. При мысли о ней сердце сжалось. В последнее время, когда я видел ее лишь мельком, и краткие минуты были настоящей пыткой. Я скучал по Белоснежке так сильно, что никогда никому бы в этом не признался, даже ей. Принятые ради нее решения и вихрь чувств застали меня врасплох и продолжают удивлять.

Но прежде чем я снова смогу вернуться к ней, мне необ-

ходимо уладить кое-какие дела. Иначе я бы витал в облаках, а мне не хотелось отвлекаться. Я хотел, чтобы у нас все получилось. Я слишком многое отдал, чтобы было иначе.

Не обращая внимания на приступы головокружения, я направился в первое убежище в парке, недалеко от нашего старого клуба в Нью-Джерси. Как и ожидалось, ящик из тикового дерева, закопанный под кустом, оказался пуст. Видно, тот, кто выжил после нападения, в первую очередь поехал сюда. Я надеялся, что это Грей. Ему ведь нужны деньги. Он еще не стал изворотливым – или, точнее сказать, безжалостным, – как большинство из нас, а значит, ему будет труднее достать наличные иным путем.

Снова взобравшись на байк, я проверил еще пару точек в черте города, прежде чем погнал на свалку, которая находилась примерно в тридцати минутах езды. Она принадлежала Коди, поэтому я всячески избегал этого места, которое он использовал для отмывания денег от продажи наркотиков.

Ключей от ворот у меня не было, поэтому ничего не оставалось, кроме как бросить байк рядом и перелезть через забор, обвитый колючей проволокой. Как только я очутился на противоположной стороне, раздался яростный лай, и два ротвейлера выскочили из небольшого дома, который служил в качестве хозяйственной пристройки.

Я не знал псов, и, что еще хуже, они не знали меня. Скорее всего, они из какого-то помета собак Эрла.

– Черт, – пробормотал я. Оружия у меня нет. Однако судя

по тому, как торчали ребра животных, они давно не ели.

Видимо, Коди не очень-то хорошо о них заботился до того момента, как его схватили.

Он всегда говорил: «Голодные собаки – лучшая охрана».

Итак, два массивных ротвейлера напали на меня, вероятно, увидев свою будущую трапезу. Я рванул к груде разбитых машин, карабкаясь по ней, пока не оказался на самом верху. Собаки норовили взобраться на гору металла, но не смогли. Оглядевшись по сторонам, я нашел способ добраться до дома – перелезая с одной кучи на другую. Ротвейлеры последовали за мной, клацая зубами и рыча. Их шерсть была грязной, а у одной из собак на боку имелась рана, и, похоже, воспаленная. Сняв футболку, я разорвал ее на части и разбросал клочья в разные стороны.

Собаки бросились кто куда, что дало мне десяток секунд форы. Забравшись на крышу дома, я схватился за край и спустился, пока ноги не оказались на одном уровне с окном. Мышцы протестующе заныли.

После нескольких дней недоедания у меня не было сил на великие спортивные достижения. Сжав зубы, я оттолкнулся от стены, стараясь собрать остатки былой мощи, чтобы разбить окно. Стекло разлетелось вдребезги, когда я ударил по нему ногами. Рычание ротвейлеров заставило меня ослабить хватку, отчего я влетел внутрь. Осколки впились в мои ничем не прикрытые руки и спину.

Шипя от боли, я приземлился на пол на еще большее ко-

личество осколков.

На секунду я взглянул в окно, и подпрыгивающие собаки, стремившиеся попасть в дом, быстро меня взбодрили. Я отскочил, немного покачиваясь, прежде чем заозирался в поисках какой-нибудь защиты.

В одном из ящичков стола я нашел пистолет с тремя патронами. А затем взгляд упал на огромный пакет с собачьим кормом. Я подошел к нему и потащил к двери. Первая псина уже запрыгнула в окно, приземлившись на пол окровавленными лапами. Я пнул мешок с кормом, чтобы тот разлетелся по полу подальше от осколков стекла.

Ротвейлер отряхнулся и, не удостоив меня взглядом, начал поедать корм. Бедное животное.

Я аккуратно открыл дверь, и другой ротвейлер ломанулся внутрь. Как и его собрат, он проигнорировал меня в пользу еды. На миг я задержал дыхание, почти готовый наброситься на собачий корм. Тело так и молило о пище. Но я пришел сюда за деньгами. Я начал обыскивать оставшиеся ящички, пока не нашел связку ключей, о которых изредка упоминал Коди. Он никогда не умел хранить секреты.

Схватив связку, я выбежал наружу – прямо к старенькому «Шевроле». Отперев багажник, вытащил кожаный чемодан и открыл. На моем лице появилась улыбка, когда я обнаружил несколько пачек банкнот, замотанных в пакеты. Вроде бы не менее пятидесяти тысяч. Закрыв чемодан, я отнес его в дом, чтобы найти ключи от ворот. Когда я наконец их

отыскал, собаки лежали среди разбросанного корма, тяжело дыша, но выглядели умиротворенными.

Имея при себе и ключи, и чемодан, я направился прямо к воротам, как вдруг сзади послышалось шарканье, отчего я обернулся, готовый отбиться от угрозы. К моему удивлению, два ротвейлера последовали за мной, неуверенно виляя хвостами.

Я почесал голову.

– Что же с вами делать? – Я не знал номер Гроула, иначе позвонил бы ему, чтобы тот мог их забрать.

Если я оставлю ротвейлеров здесь, то следующий человек, приехавший сюда за деньгами, наверняка их убьет. Не говоря уже о том, что собаке покрупнее, возможно самцу, требуется залечить рану и кровоточащие лапы.

Взгляд блуждал по свалке, пока не остановился на здоровенном грузовике Коди марки «Форд». Превозмогая острую боль, я затащил «Кавасаки» в грузовик и спрятал чемодан под сиденьем автомобиля. Как только я отошел от двери, сука, а потом и кобель запрыгнули внутрь и удобно расположились на пассажирском сиденье.

Мне требовалось посетить еще одно место, прежде чем отвезти собак. Но предстоящей встречи я боялся больше всего.

Я тщательно обдумывал, что сказать, пока направлялся к маме с намерением объяснить случившееся, в том числе и то, почему я убил Эрла, но мысли уже долгое время путались

в голове. Все окажется пустым звуком, и она вряд ли мне поверит. Да и я бы не поверил в большую часть сказанного.

Когда я подъехал к дому, мама вышла на крыльцо с ружьем в руках, очевидно, опасаясь непрошенных гостей. Но, заметив меня, она чуть опустила ствол. На ней был плюшевый розовый халат, тон в тон с цветом накрашенных губ, светлые волосы накручены на бигуди. Хоть что-то не меняется.

Я выскочил из машины, подняв руки над головой и ухмыльнувшись.

– Мам, это я.

Она кивнула, сощурившись. Похоже, я был одним из нежелательных визитеров, которых она хотела запугать дробовиком.

– Что ты тут делаешь?

Настороженность в голосе мамы заставила меня задуматься, что она в курсе, как я убил Эрла, хотя у нее не было доступа к информации. Такое просто невозможно.

Кроме людей Витиелло, об этом никто не осведомлен, и я сомневался, что они уже рассказали об Эрле кому-то из знакомых моей матери. Витиелло заверил меня, что не позволит ничему просочиться наружу.

И чтобы я ни думал о Луке Витиелло, в одном был уверен точно – он полностью контролировал своих людей.

– Собираешься выстрелить в меня, мам? – Все еще держа руки над головой, я подошел ближе.

Они опустила дробовик на несколько сантиметров, целясь мне в грудь.

– Что с тобой случилось? – спросила мама, окинув взглядом мой голый, израненный и покрытый синяками торс.

– Много чего, – ответил я, не готовый разглашать больше информации, пока она наставляла на меня ружье.

Она кивнула в сторону грузовика.

– Разве он не принадлежит Коди?

– Ага. Но он ему теперь не понадобится.

Мама снова кивнула и горько улыбнулась.

– Он мертв?

– Ага. – Я медленно вытянул руки вдоль тела.

Мама проследила за мной с опаской, но не выстрелила. Я не сомневался: она нажмет на курок, если ее спровоцировать.

– Я забрал его собак со свалки.

– Уверена, не только их, – ответила она тихо. – Он прятал там наличные. Ведь он не умел держать язык за зубами, когда напивался.

– У него был длинный язык. – Я невесело усмехнулся. – Ты уберешь дробовик?

Мама отрицательно покачала головой.

– Пока нет. Ходят слухи, что теперь ты работаешь на итальянцев.

– Я ни на кого не работаю, мам. Ты же сама понимаешь, как плохо я подчиняюсь приказам.

Она посмотрела на грузовик.

– Тебе следовало пристрелить собак. Неужто проблем мало?

Я не представлял, как много ей известно, но, учитывая нежелание опустить ружье, – значило, что много.

– Эрл мертв.

Она печально вздохнула.

– Да. Итальянцы схватили его и еще нескольких мужчин. От этих начищенных ублюдков никто живым не возвращался.

– Ага. – Я не знал, мог ли я увидеть слезы или как минимум какое-нибудь проявление скорби от мамы из-за смерти Эрла. Однако учитывая, что он постоянно ей изменял и редко появлялся дома, мне не стоило удивляться.

– Говорят, тебя тоже схватили.

Я пожал плечами, поднимаясь по ступенькам крыльца, пока не оказался прямо перед мамой, отчего ствол дробовика почти касался моей груди.

– Что еще ты слышала?

– Что ты предатель. Грей рассказал, что ты сообщил им ваше местоположение.

На меня нахлынуло облегчение от подтверждения того, что Грей и вправду ушел живым.

– Я не... – Но не успел я договорить, как мама дала мне пощечину.

– Если бы в тот день с Греем что-то случилось, я бы ни-

когда тебя не простила.

– Именно поэтому я позаботился о том, чтобы он смог спасти свою жалкую задницу.

– Он и это упомянул.

– Где он сейчас?

– Без понятия. Уехал вчера. Оставил немного денег и сказал, чтобы я не волновалась, а он заставит меня испытывать гордость за него.

– Что, черт возьми, происходит?

Она искала что-то в моих глазах.

– Если ты не работаешь на итальянцев, то почему выжил, Мэддокс? Они тебя не убили. Грей заявил, что ты сделал девочку Витиелло своей женщиной.

Моей женщиной.

Мне нравилось, как это звучит.

– Она многое для меня значит.

– Намного больше, раз ты стал из-за нее предателем. Ты жил ради клуба. Неужели одной женщины хватило, чтобы забыть о том, что случилось с твоим отцом?

– Я не забыл, но мне надоело застревать в прошлом. Благодаря Марселле у меня появилось желание задуматься о будущем.

– О каком? Что ты собираешься делать без клуба? Никакая другая жизнь тебе не ведома.

– Я разберусь.

Она мрачно рассмеялась, зато наконец опустила ствол.

– Если ты работаешь с итальянцами, то каждый байкер будет мечтать заполучить твою голову. Хотя они в любом случае захотят, как только просочится слух, что ты убил Эрла.

Я напрягся.

– О чем ты говоришь?

Мама снова дала мне пощечину. Я ожидал удара, но не попытался защититься. Она имела полное право злиться.

– Не лги мне в лицо, Мэддокс. Я не глупая. Информация прилетела от итальянцев. Или хочешь сказать – они распространяют слухи, чтобы разрушить твою репутацию?

Я отвернулся от мамы. Кто же выложил правду? В тюрьме Семьи было несколько человек, о которых я кое-что знал. Лука, Амо, Маттео, Гроул и Марселла.

Если кто-то из них разнес новости о том, что я убил дядю, это могло служить лишь одной цели: заставить другие отделения «Тартара» и «Кочевников» желать отомстить мне. Кто-то назначил награду за мою голову.

Меня хотят убить. Вопрос – кто?

На первый взгляд этим человеком вряд ли являлся Лука, поскольку он мог легко пришить меня, пока я был его пленником, – что заставило бы Марселлу злиться на него.

Самый простой способ для Луки угробить меня – и чтобы Марселла не винила его, – уломать других байкеров охотиться за мной.

– А кто распространяет слухи?

– Грей не говорил.

– А про убийство тебе рассказал Грей?

– Мэддокс, ты убил своего дядю? Вот единственное, что я хочу знать.

– Ты в курсе, каким был Эрл, мам. Он оказался одержим мстостью: куда мне до него! Если мы превратимся в монстров, чтобы убить монстра, то не станем лучше. Грей сообщил тебе, что Эрл сделал с Марселлой?

Мама кивнула.

– С годами Грей стал более решительным. Но тебе следовало разобраться с проблемой еще в клубе. Ты мог бы бросить Эрлу вызов, чтобы занять пост президента.

– Меня бы никогда не избрали президентом. За последние годы прогрессивные и либеральные члены клуба стали «Кочевниками». А люди, которые остались, целиком и полностью преданы Эрлу. И даже если бы я выиграл, они бы ни за что не приняли результаты голосования. «Тартар» был смыслом его жизни. Ничто другое не имело значения.

– Верно, – с тоской согласилась мама. Ее глаза изучали мое лицо. – Я не представляю, что и думать. Где тот мальчик, которого я вырастила?

– Я – тот самый, мам. Мне пришлось сделать выбор, как и Эрл сделал свой, когда попытался натравить на меня собак. Но мне печально, что ты одна.

Мама рассмеялась.

– Ох, Мэддокс, но Эрла не было здесь почти год! Однако без клуба я не смогу оплачивать счета. А десять штук, кото-

рые оставил Грей, быстро израсходуются. – Она надела резиновую перчатку, которую всегда использовала, когда курила, чтобы пальцы не пожелтели.

Неплохое решение, учитывая, что мама выкуривала по соток сигарет в день.

Я побежал обратно к грузовику и достал из чемодана тридцать тысяч. Мама наблюдала за мной с некой долей подозрения, и оно не исчезло, даже когда я протянул ей деньги.

– Должно хватить на какое-то время. Я пришлю тебе еще, когда опять начну зарабатывать.

Она покосилась на дробовик.

– Ты правда собираешься работать на мафию?

– Я не буду вкалывать на них, но пока мне приходится сотрудничать с ними. Я просто без ума от этой девушки... и не могу...

– Надеюсь, она не играетя с тобой. Хочется верить, что оно того стоит. Ради нее ты отказался от настоящего дома, который у тебя был. Она хоть что-то понимает?

Мама права. Клуб был моей крышей над головой столько, сколько я себя помню.

Дом мамы в Техасе – как и этот – стали лишь местом, куда я просто приходил переночевать.

За последние несколько дней много чего произошло, даже не было времени осознать, что теперь у меня нет дома. У меня никогда не было своего угла, только комната в «Таргаре». Когда я испытывал необходимость в компании, всегда

находились братья по клубу. И клубные девушки. Но теперь я практически стал «Кочевником», и вернуться мне некуда.

Марселла и я... у нас еще не было собственного жилища, но при мысли о том, чтобы переехать к ней, пульс участился. Как у нас вообще что-то получится?

– Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении, Мэддокс.

– Ни капли, – отрубил я. Никогда не пожалею о том, что спас Марселлу единственным возможным способом. А что насчет убийства Эрла? Я оказал ему услугу. Он избежал жестокой смерти от рук Витиелло. Но крошечная часть меня до сих пор терзалась от воспоминаний о старых добрых временах.

Мама схватила меня за предплечье, впиваясь в кожу длинными ногтями.

– Я переживаю за Грея. Ты тоже лишил его дома. Он растерян и нуждается в людях, на которых можно равняться. Он попадет в беду, я чувствую. Грей будет искать другое отделение «Тартара» в надежде присоединиться к нему, а это верная смерть, поскольку они собираются разжечь войну с итальянцами. Защити его. Верни сюда. И убедись, что он останется.

– Ладно, когда разыщу, притащу к тебе, заставлю окончить школу и пойти на какую-нибудь достойную работу. Он еще очень молод и может начать другую жизнь.

– Я всегда желала другой жизни и для тебя, но не с мафией. Ох, Мэддокс, береги себя.

– Ты меня знаешь. Меня нельзя убить.

Мама стала серьезней.

– Если что-то случится с Греем, я тебя никогда не прощу. Не возвращайся сюда без него, понял? Это твоя вина. Ты отнял все, что у него было, а теперь дай ему то, ради чего можно жить.

Я сглотнул, тяжелое чувство вины осело в груди. Я вырвал Грея из комфортного мира, убил его отца, пусть они только и делали, что ссорились и с трудом ладили. В отличие от меня у парня не было выбора. Однако я не был уверен в том, хотел ли он меня видеть. Если бы он меня послушал, не говоря уже о том, чтобы вернуться со мной домой...

Я посмотрел на грузовик.

– Мне пора, не хочу доставлять тебе неприятности.

Мама одарила меня взглядом, который ясно намекал – уже слишком поздно.

– Пообещай, что вернешься с Греем, – сурово прошептала она, усилив хватку.

Я промолчал, сомневаясь. Грей, в конце концов, не ребенок.

Тем не менее я проговорил:

– Обещаю.

И она меня отпустила. Я отчаянно надеялся, что смогу сдержать слово, ради ее и Грея блага, но прежде всего – ради себя. Ни к чему, чтобы на моей совести появился дополнительный груз вины. И на том спасибо.

– Можешь принести мне старую футболку, пока я не уехал?

Не сказав ни слова, мама исчезла в доме, но я не последовал за ней. Было четкое ощущение: ей не хотелось, чтобы я заходил внутрь. Мне здесь не рады – и не будут, пока я не найду Грея, но даже после... мы и раньше не были близки, а эта ситуация, вероятно, вбила последний гвоздь в гроб наших отношений.

Мама вернулась с парой черных футболок и протянула мне.

Надев свое тряпье, я поехал обратно в город, но спустя какое-то время остановился на обочине, выпустив собак, чтобы те сходили в туалет. Бросив взгляд на «Кавасаки», не удержался. Достав его из грузовика, я немного покатался по дороге, рассчитывая, что сумею собраться с мыслями. Я не мог перестать думать о Грее. Мама всегда говорила, что он бы не пережил того, чему я стал свидетелем.

Он мягче, чем я, наверное, поэтому мама всегда предпочитала его. На ее месте тоже выбрал бы Грея.

Собаки ждали рядом с грузовиком и наблюдали за мной. В итоге я затормозил, но не слез с мотоцикла. Я не мог объяснить, почему вдруг решил не возвращаться в город. Я хотел к Марселле. Ради нее я отказался от всего, желая быть вместе с ней, но кто-то сдал меня. И вряд ли Гроул. Он не похож на мстительного человека, и у него нет никаких причин, если только Лука не приказал ему.

Маттео определенно мечтал, чтобы я уехал. Возможно, он слил информацию. Или Амо. Здоровяк не переносил меня и был бы рад моей смерти, для него главное, чтобы я держался подальше от сестры.

Теперь каждый член «Гартара» в стране знал, что я убил Эрла, и считал меня предателем. Я – их главная цель. Поэтому найти сводного брата будет особенно трудно. Вернись я к Марселле, чтобы сообщить ей о поисках Грея, тот, кто сдал меня, вскоре прознал бы и об этом, а затем донес на меня или представил все так, будто я хочу убить и Грея.

– Черт, – пробормотал я. Важно разыскать брата прежде, чем кто-то вобьет в голову Грея, что я представляю для него угрозу, если так уже не произошло.

Сидя на байке, я смотрел на закат. Хоть жизнь мотоклуба и полна ответственности и правил, гнать на «Харлее» навстречу закату – это всегда дарило мне чувство свободы.

Я решил переночевать в грузовике, прежде чем определиться, что делать дальше. Я смертельно устал, и мне нужна спокойная ночь, чтобы по-настоящему смириться с новым поворотом в жизни.

Глава 2

Мэддокс

Я проснулся на следующее утро в кузове грузовика: тоска по Марселле была такой же сильной, как и зов улицы. Две любви моей жизни – бесконечная дорога и девушка с холодными голубыми глазами. Прощальные слова мамы продолжали крутиться в голове: «Если что-то случится с Греем, я тебя никогда не прощу. Не возвращайся сюда без него, понял? Это твоя вина».

Найти Грея будет сложно.

Большинство старых знакомых избегали меня, остальные же, вероятно, пытались убить. У них были все основания не доверять мне. Однако мама права. Мне необходимо спасти

Грея от самого себя. Не только потому, что он наверняка до сих пор находился в списке Витиелло, но и потому, что разгневанные байкеры, жаждущие мести, могли преследовать его. Если брат вбил в себе в голову напасть на Витиелло в качестве мстителя, то у меня нет никаких шансов его спасти.

Я затащил «Кавасаки» в кузов грузовика. Нужно избавиться от него и собак, желательно не наткнувшись на кого-то из людей Витиелло. Как только ротвейлеры заняли свои места, я направился в Нью-Йорк. Кобель тяжело дышал, верно, из-за боли от раны, поэтому я решил сначала отвезти животных в безопасное место.

В ходе расследования деятельности Семьи и их многочисленных организаций мы наткнулись на приют для собак, принадлежащий головорезу Витиелло – Гроулу.

Очевидно, Витиелло не будет счастлив, появившись я на пороге его дома без приглашения, а у меня не было возможности связаться с Марселлой. Мы уничтожили ее телефон, когда похитили, и я не успел спросить ее номер. Я даже не знал, что именно ей сказать, дабы не поставить под угрозу поиски Грея.

Во время разговора с Гроулом тот был настроен не совсем дружелюбно, но казался более надежным вариантом, чем другие солдаты Витиелло.

Подъехав к подъездной дорожке приюта, я остановился рядом с пикапом. Не успел я выйти из машины, как Гроул и высокий худой парень вышли из дома, направляясь ко мне.

Заметив меня, Гроул стал настороженным, зато хоть не достал оружие. За последние годы это было самое дружелюбное приветствие, которое я получал от итальянцев, но я по-прежнему испытывал странное чувство.

Сомневаюсь, что находиться в полудружественных отношениях с Семей когда-то перестанет казаться мне странным.

Я выбрался из машины, стараясь держать руки на виду. Мне и правда не хотелось схлопотать пулю в лоб, если только я не дал им для этого повод.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Гроул.

– Привез собак. Я спас их со свалки одного из моих убитых братьев по клубу. Пес ранен.

Гроул выглядел напряженным, однако его бдительность ослабла, когда он заметил двух ротвейлеров на пассажирском сиденье.

– Показывай.

Я подошел к двери машины и открыл ее.

– Выпрыгивайте. – Собаки и впрямь послушались и выскочили наружу.

Более крупный ротвейлер зарычал, когда Гроул приблизился к нему, но высокий парень опустил на корточки и заговорил спокойным голосом с псом.

Вскоре животные утихомирились, а парень погладил их.

– Я позвоню ветеринару, чтобы тот осмотрел рану, а тебе следует вернуться в город и встретиться с Лукой.

Проигнорировав последние слова, я указал на грузовик.

– У меня байк Маттео. Могу я оставить мотоцикл, чтобы Маттео его забрал?

Гроул выпрямился и с подозрением посмотрел на меня.

– Почему бы тебе не вручить ему байк лично?

– Я пока не собираюсь возвращаться в Нью-Йорк. У меня есть еще несколько дел, которые нужно решить перед тем, как присоединиться к отряду Луки.

Гроул покачал головой.

– Это так не работает.

– Со мной – так, – кратко сказал я. – Вероятно, я приеду через пару дней, сообщи обо всем Луке.

– Что за дела, с которыми надо разобраться сейчас?

– Они касаются лишь меня и никак не относятся к Семье.

– Любой вопрос относится к Семье, особенно если он связан с Марселлой Витиелло. Она знает, что ты уезжаешь?

– Передай ей. Она поймет. – Я сомневался в этом, кроме того, не мог посвятить никого в детали плана, ведь Гроул был человеком Луки. Я никогда не отчитывался перед женщиной, не считая мамы, да и то в детстве: все прекратилось, когда я стал подростком.

Гроул прищурился.

– Если ты не заинтересован в Марселле или не уверен, на чьей ты стороне, то тебе лучше не возвращаться. Однажды Лука пощадил тебя, но больше он не будет столь великодушен.

– Тебе-то что?

– Я знаю, кому я предан. Лука принял меня, когда мне было некуда идти. Я не из тех, кто растаптывает такой подарок.

– Просто скажи Марселле, что мы увидимся, когда я разберусь с проблемами, и передай Маттео мое спасибо за байк. – И я шагнул к машине.

Незачем чувствовать угрызения совести из-за слов Гроула. Однако у меня проскочила мысль доехать до особняка Витиелло и попросить разрешения поговорить с Марселлой в надежде все прояснить, хотя найти Грея, пока того не убили, являлось главной задачей. Как только он скажет, кто слил информацию, что я прикончил его отца, тогда я и решу, что делать. Я не знал, сколько времени все займет, впрочем, мы с Марселлой прошли и через худшее, чем несколько дней разлуки.

Скоро мы вновь будем вместе, и, черт, я не мог дождаться, когда попробую ее снова.

Марселла

После нескольких недель плена было странно оказаться дома. Еще недавно я чуть ли не каждую секунду проводила с Мэддоксом, и теперь мне стало непривычно находиться вдали от него. Мне его не хватало, я скучала по его грязному рту, во многих смыслах этого слова, но, как оказалось, он сделал выбор двигаться дальше и наслаждаться свободой, которую предлагает байкерский образ жизни.

Выглянув в окно и посмотрев на улицу, я с горечью скривила губы. Я продолжила делать это, хотя час назад Маттео сообщил, что Мэддокс не вернется. Похищение изменило меня, хоть я и не хотела никому признаваться.

Может, это и к лучшему, что Мэддокс принял решение и разорвал отношения. Я же оказалась недостаточно храброй, но до безумия влюбленной. А был ли шанс возродить связь в условиях нормальной обстановки, без опасений за собственную жизнь? Мы никогда не узнаем.

Я не испытывала ненависти к Мэддоксу за то, что он уехал, но задумалась: «А не было бы лучше позволить папе убить его, ведь тогда все стало бы проще?»

Жизнь с Мэддоксом привнесла бы много испытаний не только для меня, но и для Семьи, и для коза ностра Восточного побережья, вдобавок я не уверена, что все бы с этим справились.

Амо издал звук, выражающий недовольство.

– Прекрати глазеть в окно, как верная собачонка. Он не приедет. Он вероломный байкер, тебе будет лучше без него.

Я одарила брата своим лучшим смертоносным взглядом, возмущенная таким сравнением.

– Собака будет вилять хвостом и приветствовать хозяина, я же врежу Мэддоксу по яйцам, как только он ворвется в мою жизнь, можешь не сомневаться.

Амо покачал головой.

– Точно. Ты так и сделаешь, но ты должна позволить папе разобраться с ним. Пусть его убьют. А тебе нужно начать все с чистого листа, Марси. Тот факт, что он до сих пор где-то на свободе, мешает тебе жить, ты должна отпустить это. Тебе понадобятся напористость и ум, чтобы показать солдатам отца, кто здесь главный.

Наконец я отвернулась от окна. Лишь из комнаты Амо открывался вид на улицу, мое же выходило в сад: вероятно, еще одна мера безопасности папы.

– Мне ничего не мешает жить дальше. Я в состоянии отличить голос сердца от голоса разума. Моя работа на Семью не имеет ничего общего ни со мной, ни с Мэддоксом.

– Нет никаких «ты и Мэддокс». Он тебя бросил.

– Неправда. Он не мог. Мы не были в отношениях, чтобы говорить о...

Амо перебил меня:

– Не продолжай. Не хочу знать подробности о твоём плене

с привилегиями.

Я швырнула в Амо первое, что попало под руку, – толстый учебник по алгебре, валяющийся на полу.

– Ладно тебе! Не будем упоминать байкера.

– Спасибо. – Я подошла к дивану и улеглась.

Амо вновь сконцентрировался на мониторе компьютера, изучая топографические особенности Пенсильвании. Я не знала, было ли это домашним заданием или же он занимался географией ради охоты на байкера.

– Рано или поздно наши солдаты примут тебя, – сказал Амо, и в его тоне подразумевалось «но».

Наши солдаты. Для него все происходило естественным образом. Амо встретили с распростертыми объятиями, и ни у кого даже не возникло вопроса, что он станет доном после того, как папа уйдет в отставку.

И я догадалась, о чем умолчал Амо.

– Потому что они уважают и боятся папу.

Он ничего и не отрицал.

– Я добьюсь их уважения.

– Тебе придется работать усерднее, чем когда-либо приходилось мне.

Именно. На женщин смотрели свысока. Нам полагалось быть красивыми и понимать, когда следует промолчать. Благодаря папе в мою сторону не летели сексистские комментарии, однако мужчины не воспринимали меня всерьез.

– Ты не передумала насчет татуировки? – спросил Амо,

указывая на мою спину.

Я напряглась, как и всегда, когда мне напоминали об уродливых словах, вытатуированных на коже.

«Шлюха Витиелло».

– Да. Не собираюсь тратить месяцы на то, чтобы вывести тату, чтобы остались только шрамы. Люди все равно будут знать, что они означают, кроме того, они сообразят – произошедшее задело меня настолько, что я захотела убрать следы со своего тела. Я буду выглядеть слабой, поэтому слова останутся, но я перекрою их собственной правдой.

Амо кивнул.

– Может, и я сделаю еще одну татуировку.

Я усмехнулась.

– Удачи с мамой. У тебя не было бы даже первой тату, не понадобится она для Семьи.

– Папа с ней поговорит.

Я закатила глаза. Раздался тихий стук в дверь.

– Да, – сказал Амо.

Мама заглянула в комнату, на ее лице отражалось беспокойство, но оно исчезло, когда она заметила меня.

– Марси, вот ты где! Я сначала проверила твою спальню.

Я почти не проводила время у себя, да и Амо пока не жаловался на мое присутствие. Я не представляла почему, может, из-за желания меня защитить... или брату и вправду было все равно.

– Тебе что-то нужно? – спросила я, улыбнувшись маме.

Она до сих пор волновалась, особенно после исчезновения Мэддокса.

Втайне она, конечно, этому обрадовалась, как и папа, но не показывала виду.

– Джованни пришел.

Я приоткрыла рот, совершенно ошеломленная новостью.

– Он не звонил заранее?

– Понятия не имею. – Мама взглянула на Амо.

Он пожал плечами.

– У меня нет его номера, как и у него – моего. Мы не настолько близки.

Я подавила гнев.

– Папа в курсе! Сомневаюсь, что Джованни осмелился бы прийти без его предварительного разрешения.

Мама одарила меня ободряющей улыбкой.

– Твой отец переживает о тебе не меньше меня. Может, он подумал, что тебе было бы неплохо увидеться с Джованни.

Я начала расхаживать по комнате.

– Как встреча с бывшим мне поможет? Мэддокс исчез совсем недавно!

– Былая любовь горит дольше, верно? – пробормотал Амо.

Не будь мама рядом, швырнула бы в него еще одну книгу и уж точно не промахнулась бы.

– Ты встретишься с ним или мне попросить его уйти? – спросила мама. – Он в холле.

Я не могла поверить, что Джованни здесь. Из всех людей, которых я не хотела видеть сейчас, он являлся первым в списке.

– Отправь его домой. Не желаю с ним разговаривать.

Мама кивнула и развернулась.

Мэддокс, наверное, уже развлекался с какой-то девицей, которая делала ему минет. От этой картины ярость и тошнота подкатили к горлу. Я не сожалела о том, что произошло между нами, поскольку наслаждалась свершившимся на все сто, однако мне не хотелось привязываться к этому эмоционально.

– Постой! – крикнула я, поспевая за мамой.

Она оглянулась, вскинув брови.

– Я пообщаюсь с Джованни, – выпалила я. – Было бы невежливо попросить его убраться вон, ведь он проделал такой путь сюда.

– Верно, – согласилась мама. – Как благоразумно с твоей стороны.

Она подразумевала, что, возможно, я пересмотрю свое отношение к Джованни. Первая мысль была сказать «нет», поскольку после расставания с Джованни я чувствовала себя свободной. Я не понимала, как наше воссоединение мне поможет. Вернуться к бывшему только потому, что ты не способна быть одна или тебе надо утешить разбитое сердце, – наихудшее решение.

– Сказать ему, что тебе нужно переодеться?

Я взглянула на себя: спортивные легинсы и свитер – одежда, в которой я показывалась на людях исключительно по дороге в спортзал или обратно к дому. Тем не менее я отрицательно покачала головой.

– Не надо.

Джованни увидит меня настоящую: девушку в свитере и без макияжа. Это была лишь крошечная частичка меня, о которой он никогда не догадывался. Он знал лишь всегда идеальную Марселлу.

Я спустилась вслед за мамой. Так и есть: Джованни ждал меня в холле, рассматривая старую семейную фотографию, причем с откровенным любопытством. Хотя он, должно быть, видел ее уже тысячу раз. Он повернулся ко мне, когда я находилась в шаге от него, установившись на мой наряд. На его лице промелькнуло изумление, но он быстро скрыл его за теплой улыбкой.

Удивительно, но я не злилась на Джованни за его слова о моей репутации, сказанные после разрыва. Похищение заставило меня взглянуть на все по-новому.

Он был растерян и потрясен, поэтому дал отпор единственным возможным способом.

Я кивнула маме, давая понять, что она может оставить нас наедине. Она проскользнула в гостиную и закрыла дверь.

Воцарилась тишина. Как и прежде, он был одет безукоризненно: рубашка на пуговицах, слаксы и туфли. Но внешний вид Джованни меня уже не привлекал. Мэддокс успел навя-

зать мне любовь к кожаным курткам, байкерским ботинкам и джинсам, что еще сильнее злило меня сейчас, ведь в нашем кругу так никто не одевался.

– Марси, – осторожно проговорил Джованни, отрывая меня от размышлений.

Выдавив улыбку, я сделала последний шаг, однако сохранила дистанцию.

– Джованни, отлично выглядишь.

Более идиотской фразы для начала диалога и представить нельзя, ее могла превзойти только фраза о погоде.

Улыбка Джованни стала шире.

– Ты тоже.

Я покачала головой.

– Я в спортивной одежде и без мейкапа. Не надо врать.

– Марси, я не вру. Я не поклонник такой одежды, но ты всегда прекрасна.

– Спасибо, – сказала я и впервые за целый день искренне засмеялась. Раньше подобное замечание о внешности вывело бы меня из себя, но я уже не волновалась по поводу одобрения Джованни.

Мне помогли перестать быть идеальной в глазах окружающих, что сделало жизнь проще во многих смыслах.

– Могу я подойти ближе? – проговорил Джованни.

– Почему ты спрашиваешь? – Но потом меня осенило. До Джованни долетели слухи, и он подумал, что меня испугает его близость. Не то чтобы он и раньше откровенно прикасал-

ся ко мне, зато сейчас я была уверена, что за нерешительностью скрывалась другая причина.

– Конечно. Я в порядке, Джованни. Не надо относиться ко мне так, словно я сломлена.

Джованни сократил расстояние между нами и взял меня за руку, что было неожиданно, но я не отстранилась. После всего случившегося было приятно находиться рядом с кем-то, помимо Семьи, но Джованни не был тем мужчиной, от которого я хотела получить утешение.

Между тем тот самый мужчина сбежал как гребаный трус. Я отбросила все мысли о Мэддоксе.

Джованни поймал мой взгляд. Его глаза, как и прежде, были полны преданности и любви. Он не сбежал. Нет, он стоял передо мной, просил о втором шансе.

– Я хочу, чтобы мы попытались. Теперь все будет по-другому, Марси.

– Как же именно? – спросила я.

Он понизил голос, будто боялся, что нас подслушивают. Я едва снова не закатила глаза.

– Я не буду сдерживаться. И дам тебе все, что ты захочешь. Буду целовать каждый сантиметр твоего тела и прикасаться к тебе. Даже пересплю.

– Правда?

– Да, – сказал он. – И ничто нас не остановит. Мы можем стать нормальной парой и пока даже не состоять в браке. Так или иначе, люди сейчас не ждут кровавых простыней.

Потребовалось время, чтобы осмыслить его слова, а потом забыть их. В интонациях Джованни сквозило облегчение из-за того, что я спала с Мэддоксом. Ну а слухи о том, что я связалась с байкером, означали одно – бывший не претендовал на мою девственность.

Поэтому ему не надо бояться моего отца, поскольку, в отличие от Мэддокса, переспи я с Джованни, папа, наверное, поаплодировал бы парню.

Я выдернула руку, возмущаясь.

– Ты ошибаешься. Кое-что нас останавливает: мои чувства к тебе. Я не хочу быть с тобой ни в физическом, ни в эмоциональном плане. Я двигаюсь дальше, Джованни, и ты тоже иди своей дорогой.

– Марси, тебе не должно быть стыдно за случившееся. Рано или поздно сплетни улягутся. Однажды мы поженимся, и люди будут видеть в тебе только мою женщину.

Потребовалось невероятное самообладание, чтобы не накричать на него изо всех сил. Как бы то ни было, я подавляла слишком много эмоций, но мне не хотелось нервировать маму или, что еще хуже, папу. Они давно присматривали за мной двадцать четыре на семь, а нервный срыв не пошел бы мне на пользу.

– Прошу тебя, уходи, – настаивала я. – Меня не тянет быть чьей-то женщиной сейчас. Я собираюсь сосредоточиться на работе. Изучение всех тонкостей структуры Семьи требует времени и упорства. Думаю, тебе лучше найти другую. –

Признаюсь, в тот момент я гордилась своим спокойным голосом.

На лице бывшего промелькнул намек на сочувствующую улыбку.

– Мой папа упомянул о твоём желании присоединиться к Семье официально. – Он покачал головой в манере, которую нельзя было описать иначе как высокомерие. – Марси, послушай, твой отец потворствует тебе только потому, что тебе причинили боль, но люди начинают злословить. Женщинам не подобает мечтать о том, чтобы занять место в наших рядах.

Им вообще не положено хотеть чего-то большего. Ни секса, ни любви и, определенно, ни своего законного места в мире, в котором они родились.

– Я намерена получить лишь то, что заслуживаю. Я Вителло. Амо и Валерио не придется доказывать свое желание стать частью клана.

– Они мужчины, – возразил Джованни, будто поделился со мной секретом.

Неужели он всегда был таким невыносимым или же я отличалась сговорчивостью в прошлом? Точного ответа я дать не могла.

Джованни вздохнул.

– Но ты не сталкивалась с испытаниями, которые ожидают каждого мужчину, ставшего частью Семьи. Мы должны дать клятву и сделать татуировку. Обязаны истекать кровью

и терпеть мучения ради общего блага нашего круга.

Я не сдержалась:

– Мне сделали тату, я истекала кровью и терпела мучения из-за вражды между Семей и «Тартаром», Джованни. – Я откинула волосы, показывая отсутствующую мочку уха. Затем растянула молнию на свитере и стянула футболку, обнажая плечо, демонстрируя деталь татуировки.

Глаза Джованни округлились.

– Испытывал ли ты боль хуже этой? А?..

– Мне очень жаль, Марси. Ты сильно натерпелась, ты права. Но ты не переживала все это с мыслями о Семей, не терзалась ради клана. Ты пострадала случайно. И если бы знала какие-нибудь важные тайны, то раскрыла бы их в ту же секунду, когда они пригрозили отрезать тебе мочку уха. – Увидев мое выражение лица, он добавил: – Что вполне объяснимо. Ты женщина, у вас другой болевой порог.

– Да брось ты, Джованни, – протянул Амо, спускаясь по лестнице. – В последний раз, когда ты практиковал боевые приемы, чуть не разревелся, когда кто-то вывернул твое гребаное запястье. Марселла – крепкий орешек. И если отец считает, что она выдержит любые испытания ради дел клана, то она переживет их *снова* и не сломается. Она – Витиелло. И татуировка не делает тебя более преданным. Марселла живет и дышит ради нашей семьи, а наша семья – ради козачьей ноштры.

Мне хотелось его обнять. Я могла разобраться с Джован-

ни, однако поддержка Амо и то, с какой легкостью он подтвердил, что я страдала ради Семьи и клана, возымели вес в глазах бывшего. Слова брата и отца, пожалуй, всегда будут иметь большее значение, чем мои, но я сделаю все, чтобы к моему мнению прислушивались.

Амо остановился возле меня, одарив Джованни пренебрежительной усмешкой.

– Тебе есть еще что сказать?

– Думаю, Джованни уже пора, – заметила я.

Джованни сделал шаг назад, затем еще один и кивнул.

– Сожалею, что ты столько пережила, Марси. Надеюсь, случившееся не выставит тебя и твою семью в дурном свете.

– Всего доброго, – пробормотал Амо, и Джованни, наконец, развернулся и выскочил на улицу.

Я издала сдавленный взглас, сжав кулаки.

– Я очень сильно хочу что-нибудь ударить.

– Можешь побить боксерскую грушу в подвале. Да и я все равно собирался в наш домашний спортзал.

– Отлично, – сказала я. Идти мне уже некуда. Прогуляться по городу или встретиться с друзьями? Об этом не могло быть и речи.

Открылась дверь – папа вошел в холл вместе с Валерио. Взгляд отца сразу же сосредоточился на мне.

Должно быть, отец натолкнулся на Джованни или обнаружил его машину. Хотя телохранители наверняка сообщили боссу о нашем госте, едва тот приехал.

– Вы в порядке? – спросил папа, переводя взгляд с меня на Амо.

– Мы собираемся в спортзал, чтобы я побила боксерскую грушу Амо.

Серые глаза отца наполнились беспокойством.

– Что случилось с Джованни?

– Он придурок, – прокомментировал Валерио. – Он мне никогда не нравился, и я рад, что Марси его бросила. Ей нужен кто-то крутой.

– Спасибо за совет по отношениям, – отшутилась я. – В следующий раз сначала познакомлю своего парня с тобой.

– Амо? – спросил папа с ноткой нетерпения в голосе.

– Ничего не случилось, – твердо проговорила я. – Джованни хотел получить второй шанс, а я ему отказала. Затем он заявил, что мне не следует присоединяться к делам Семьи, поскольку я никогда не буду страдать ради нашего дела, как мужчины. – Я пожала плечами. – Ничего особенного.

Гнев исказил лицо отца.

Валерио подошел ко мне.

– Некоторые из моих друзей такого же мнения, но я надрал им задницы и сказал, что ты нереально классная, и теперь они мне верят.

Я взъерошила его белокурую гриву.

– Я и правда очень везучая девушка, раз у меня такие верные и жестокие братья.

– Я разберусь с Джованни и другими парнями, которые

тебя обижают.

– Я сама покажу им, на что способна, пап.

Отец рассеянно кивнул, вероятно, составляя список людей, которых накажет. Но от этого они не станут уважать меня больше, чем сейчас.

– Могу я поговорить с тобой после тренировки? – уточнила я.

– Я буду в кабинете, приходи туда.

– Можно мне с вами? – спросил Валерио, когда мы с Амо направились в подвал.

– Конечно, но мы хотим потренироваться: тебе лучше надеть спортивную форму, – сказала я.

– Я быстро! – крикнул Валерио, мгновенно развернувшись и бросившись к лестнице.

– Он похож на белку на стероидах. Откуда у него столько энергии? – проворчал Амо.

Усмехнувшись, я последовала за Амо в спортзал.

Брат показал мне, как правильно бить по груше. Сначала все выглядело легко, однако вскоре костяшки пальцев заболели. Валерио влетел в спортзал: худощавый, высокий и с взлохмаченными волосами. Вскоре мы уже смеялись, пока по очереди пинали и мутузили боксерскую грушу. Амо в кои-то веки отнесся к тренировке не слишком серьезно.

Поднявшись наверх спустя некоторое время, я направилась к кабинету отца и впервые за долгое время почувствовала себя самой счастливой на свете. Сегодняшний день опять

стал доказательством того, что я выживу в любой ситуации, пока у меня есть семья.

Постучав в дверь, я зашла в кабинет.

Отец натянуто улыбнулся.

– О чем ты хотела поговорить, принцесса?

– Хочу услышать твое честное мнение о том, как я могу заслужить уважение солдат и по-настоящему стать частью Семьи. Работать спустя рукава не получится, теперь я понимаю.

– Они не будут считать тебя частью Семьи до тех пор, пока ты официально не станешь ее членом.

– Тогда позволь мне принести клятву.

Отец покачал головой.

– Тебе надо порезать ладонь и сделать татуировку.

Я приподняла брови.

Папа метнул взгляд к моему уху без мочки, на секунду в его глазах блеснул страх, после чего он резко выдохнул.

– Лучше бы я сам убил Эрла. Ты точно не хочешь, чтобы я убил остальных Уайтов?

Грея и... Мэддокса. Мужчину, который продолжал всплывать в мыслях без приглашения. Его смерть не изменила бы этот расклад.

– Да, уверена, – непреклонно сказала я, шагнула к папе и обняла его за шею. – Может, твоим людям нужен широкий жест, который продемонстрировал бы, что мне хочется быть частью Семьи, а ты в свою очередь потребуешь от ме-

ня определенных действий. Я согласна порезать ладонь, пап. Особенно после того, что пережила в «Тартаре».

– Поскольку ты заполучила тату от ублюдков «Тартара» из-за меня, я не желаю, чтобы ты вновь терпела боль.

– Теперь все будет на моих условиях, я порежусь собственным лезвием.

– Тем не менее это будет мучительно.

– Я справлюсь, – уверенно настаивала я.

– Не сомневаюсь. – Папа дотронулся до моей щеки. – Однако не хочу, чтобы тебе делали татуировку перед толпой похотливых мужчин. К тебе всегда будут относиться по-другому, тату ни имеет значения.

Я знала, когда стоит закончить разговор.

– Когда я смогу принести клятву?

Папа покачал головой, ухмыляясь.

– В течение месяца мы проводим посвящение четырех мальчиков, но если ты не против, чтобы твое посвящение было индивидуальным, тогда...

– Нет, пусть меня посвятят на глазах у всех остальных.

Папа кивнул.

– Ты выбрала трудный путь. Я рад, что ты не будешь обременена еще и Уайтом.

Глава 3

Мэддокс

Мне потребовалось два дня и несколько тысяч долларов в качестве взятки, чтобы узнать, где находится Грей. Старые знакомые отнеслись ко мне с опаской, чего и стоило ожидать, и не хотели предоставлять информацию, оказав мне услугу. Я чудом покинул последний бар для байкеров живым, зато обзавелся информацией о новом убежище Гуннара. Слухи о том, что я стал предателем, доходили до людей быстрее, чем я предполагал.

Каким-то образом все постепенно узнавали, что я убил Эрла. Сначала сведениями располагали лишь очень немногие, но кто-то, очевидно, проболтался: наверняка в надежде,

что меня быстренько прикончат.

У меня была парочка подозрений. Лука, скорее всего, позволил мне уйти, поскольку Марселла попросила его об этом, кроме того, он предпочел бы, чтобы я никогда не возвращался к ней. Он хотел моей смерти. Я не сомневался. Никогда бы не подумал, что он такой подлый тип, но на земле наступили отчаянные времена...

Разумеется, он оказался не единственным, кто знал, что я пришел Эрла. Маттео, Амо, Марселла и Гроул как минимум... возможно, еще кое-кто из солдат Луки. Кроме Марселлы, каждый из них мог позволить новости просочиться: мафии было выгодно избавиться от меня.

Хижина, в которой прятался Гуннар с другими байкерами, не была обнесена забором, как территория нашего последнего клуба, но это не означало, что она не защищена. Гуннар любил расставлять мини-ловушки. Этому он научился во время службы в армии, а позже усовершенствовал навык для выживания.

Я припарковал мотоцикл на грунтовке, ведущей к хижине. К ней вели три дороги со следами от шин, глубоко врезающихся в землю, которые явно появились здесь уже давно. Понятно, что люди делают столько отступных путей, только если им грозит опасность.

Проблема заключалась вот в чем: я не верил, что все дороги были в равной мере надежными. Складывалось ощущение, что на одной имелись ловушки и спрятаны самодельные

бомбы, жаждущие разорвать меня на куски.

Я изучил землю справа и слева от грунтовой дороги, надеясь уловить хоть какой-то намек, что останусь невредимым. Но трава скрывала от глаз любые признаки человеческих следов и бомб. Не говоря уже о том, что я никогда не был хорош в таком поиске. Это работа Грея. Лучшим вариантом будет выбрать определенный маршрут на грунтовке и надеяться на лучшее.

Я встал на носки, чтобы лучше рассмотреть хижину. Через какое-то время заметил крышу грузовика. Если Гуннар и его друзья ездили на машине, то, скорее всего, они использовали этот путь, чтобы добраться куда надо, соответственно, только внешние тропы были безопасны. Если, конечно, они не сворачивали к проселку, о котором мне неизвестно, или грузовик вообще простаивал... но отсюда я даже не мог разглядеть, в рабочем ли он состоянии.

Сделав глубокий вдох, я завел мотоцикл, собираясь поехать по крайней левой дороге, когда раздался чей-то голос: – Будь я на твоём месте, не выбрал бы этот путь.

Я вскинул голову, широко раскрыв глаза. Как только я заметил Грея, то улыбнулся. Однако он не выглядел счастливым. Брат по-прежнему носил жилетку «Тартара», и в моей груди все сжалось.

Еще не так давно я никуда не выходил без клубной жилетки, лишь снимал ее перед сном и иногда во время секса, хотя большинству девушек нравилось видеть ее на мне.

Позади Грея появился недовольный Гуннар. Даже со своего места я увидел огромную шишку у него на лбу – со стороны виска, куда я его ударил.

– Что ты здесь забыл, Мэддокс? Тебе не рады.

– Я пришел с миром. Нам надо поговорить.

Грей покачал головой. Я не знал, верил ли он, что я пришел с миром, или же вообще не хотел со мной общаться.

– По слухам, теперь ты один из подручных Витиелло, Мэд. Убивать байкеров – твоя новая работа. Вряд ли я захочу, чтобы ты находился рядом со мной или моими друзьями! – крикнул Грей, скрестив руки на груди.

– Если бы я собирался тебя убить, то сделал бы это еще на территории клуба. Я не хочу, чтобы кто-то из вас умирал, и я не один из подручных Витиелло, понятно?

Им не нужно быть в курсе, что моя будущая работа связана с поимкой сторонников Эрла.

Грей опять покачал головой, прошептав что-то Гуннару. Меня сводило с ума, что я находился слишком далеко, чтобы услышать, о чем он говорит.

– Могу я подойти?

Гуннар угрожающе наставил на меня палец.

– Бросай оружие и не пытайся нас надурить, Мэд. Раньше ты мне нравится, но я убью тебя и не дрогну.

– Я сейчас брошу... – Вытащив пистолет из ботинка и нож из-за ремня, я положил их на землю для наглядности. Несмотря на случившееся, я до сих пор с доверием относил-

ся к этим двоим. Вероятно, глупая ностальгия. – Готово.

– У наших друзей в хижине чешутся руки, чтобы...

– Ясно, – перебил я Гуннара. – Я облажаюсь, и ты меня пришьешь. Но клянусь, я буду вести себя хорошо.

– Чего стоит твоя клятва? – крикнул Грей. – Ты лжец и обманщик.

– Выбери левую тропу, – сказал Гуннар. – Центральная – не лучший вариант.

Я взглянул на Грея, который предупреждал меня насчет тропы, а затем – на Гуннара.

– Мальчишка немного злится на тебя, потому что ты прикончил его старика, – объяснил Гуннар.

Грей развернулся и удалился прочь, предоставляя мне право выбора. Мы с Гуннаром были на многих заданиях. Он мне нравился больше остальных. Но Грей – мой брат и вспыльчивый подросток, потерявший отца и клуб.

– Черт, – выругался я. Сделав еще один глубокий вдох, я выбрал левую тропу и завел байк. Сердце забилося, как у дикой лошади, когда колеса коснулись дороги.

Почти весь путь, который я проделал на байке, я не дышал. Гуннар ждал меня с пистолетом в руке.

Затормозив, я разразился смехом, испытал огромное облегчение от того, что не был разорван на мелкие кусочки.

– Выключи двигатель, – приказал Гуннар, приставив пистолет к моей голове.

Я подчинился, подняв руки с ухмылкой на лице.

– Да ладно тебе, Гуннар. Мы не враги. У меня против тебя ничего нет. Я тебя не убил. И ты не убил меня. Мы квиты.

– Ты разрушил клуб, – буркнул Гуннар, ткнув пальцем на эмблему «Тартара» на своей груди, – или ты забыл?

– Ничего подобного. Эрл разрушил его, когда начал истязать Марселлу. Он все испортил и сбился с пути. Ты знаешь это, как и многие «Кочевники». Вот главная причина, по которой в первую очередь они покинули клуб.

Гуннар оглядел меня.

– Я не буду говорить, что тебе сначала следовало посоветоваться с Эрлом: ведь мы оба понимаем, чем все закончилось. А ты мог бы выставить себя на голосование на должность нового президента.

– Большинство мужчин, выбравших клуб, были преданы Эрлу. Вот почему они не стали «Кочевниками». Я бы не выиграл, да и Эрл непременно убил бы меня. В конце концов, он хотел моей смерти. Он первый пытался пришить меня, я не жалею, что расправился с ним.

Гуннар пожал плечами.

– Отделение также уничтожено.

– Ну и что? Ты и другие «Кочевники» можете восстановить и развивать ценности клуба. Братство и свобода. Никаких грязных денег, мести и наркотиков.

Часть изначального отделения «Тартара» до сих пор размещалась в Техасе, а несколько маленьких филиалов было разбросано по Восточному побережью.

Но сердце «Тартара» находилось именно там, где был Эрл, и люди последовали за ним из Техаса в Джерси.

– И кто должен стать президентом? Грей? – усмехнулся Гуннар. – Он еще мальчишка.

– Он слишком молод, – согласился я. – Ты можешь быть главой, пока Грей не будет готов.

Гуннар улыбнулся.

– Я не лидер. Не хочу указывать парням, что делать. Я просто люблю ездить на байке и проводить время с братьями. И больше ничего.

– Тогда выберите кого-нибудь другого. Что насчет Роланда? У него хорошие связи, и он всем нравится.

Роланд был одним из последних, кто стал «Кочевником». Мы неплохо ладили.

– Точно, тут ты прав. Но ты когда-нибудь видел президента, который заслужил уважение банды байкеров, будучи хорошим?

Я кивнул на пистолет в руке Гуннара.

– Как насчет того, чтобы убрать его? Как я и сказал, я пришел с миром. Ты не тот человек, на которого я точу зуб.

– Ты все еще выслеживаешь цель?

– Нет, но я не упускаю из виду сторонников Эрла. Мне не нужны проблемы, но я не буду ждать, пока они постучат в мою дверь.

– Хочешь сказать, в дверь твоей подружки?

Я не подтвердил его слова, но и не опровергнул, однако

Гуннар засмеялся.

– Черт, она крепко держит тебя за яйца.

– Как и Барб – тебя.

Гуннар пожал плечами.

– Барб знает свое место в жизни клуба. А твоя девчонка – нет. Тебе пришлось отказаться от жизни, к которой ты привык, – от того, чему ты поклялся следовать. Она не станет твоей старушкой.

– Она та, кто она есть. Как и я, Гуннар. Мы можем остаться теми, кто мы есть, и быть вместе.

– Уверен? Не представляю, как ты будешь трахать кого попало и развезжать на байке целую ночь напролет, будучи мальчиком на побегушках ее старика.

– Я не буду чьим-то парнем на побегушках, а ты давно никого не трахал, кроме Барб.

Гуннар поднял средний палец.

Я знал, что он говорил правильные вещи. Жизнь кардинально поменяется, как только мы с Марселлой будем парой. Она уже стала другой в тот момент, когда я предал клуб и убил Эрла. Я не представлял, что из этого получится, как все будет выглядеть через пять лет, но знал одно – я хочу быть с Марселлой.

Однако эта мысль еще шокировала меня, я не думал, что такое когда-либо произойдет. Но Марселла и впрямь изменила все, даже меня в какой-то степени.

– Ты мог бы возглавить новый «Тартар», ты в курсе? –

тихо спросил Гуннар, удивив меня.

– Ты же сказал, что я уничтожил почти все, чем был «Тартар», и не только убил Эрла, но и погубил клуб байкеров. Не думаю, что получил бы много голосов, если бы выставил себя в качестве президента. Они бы повесили меня на соседнем дереве.

– Возможно, или же ты мог бы убедить их, что хочешь воссоздать нечто лучшее.

Усмехнувшись, я слез с байка.

– Гуннар, ты держал меня на мушке, потому что не доверял. А парни знают меня хуже, чем тебя, зато до них долетели слухи, что я убил Эрла и предал клуб. Они не станут меня слушать, просто выстрелят, а я даже не смогу винить их.

Гуннар хмыкнул.

– Я бы мог отдать тебе свой голос. Мне не по нраву, каким способом ты со всем разобрался, как и то, что ты неровно дышишь к итальянской принцессе, но ты был бы прекрасным президентом.

Я промолчал. Мне всегда хотелось стать президентом «Тартара». Долгое время я отгонял эти мысли в сторону, ведь Грей являлся законным наследником Эрла, а сейчас не время о чем-то таком размышлять.

Оказаться президентом мотоклуба, тем более «Тартара» с его историей, и вместе с тем быть мужчиной Марселлы (а я чертовски сильно хотел стать ее мужчиной) – это просто невозможно.

– Подумай. У нас есть девушки и посимпатичнее. Пожа-луй, даже красивее итальянской принцессы.

Я с сомнением посмотрел на Гуннара.

Он помялся.

– Ну, может, не настолько красивые. Но тоже хорошенькие.

Я шагнул к Гуннару и похлопал его по спине.

– Спасибо. Но дело не только в ее внешности. Марселла – королева, которой, как выяснилось, мне не хватало. Больше не существует той, кому я позволил бы водить себя за яйца. – Я взглянул на хижину и заметил трех мужчин, наблюдающих за нами через покрытое грязью оконное стекло. Готов поспорить, каждый из них держал в руке пистолет.

– Грей там?

– Внизу по холму течет ручей. Грей ходит туда, когда ему нужно поразмыслить. – Гуннар задержал меня, положив руку на плечо. – Мальчишка только что потерял отца, а также брата.

– Меня не потерял.

– Еще пару минут назад он не знал – как наверняка не знает и сейчас. Ты мог быть его врагом. Может, я дурак, раз считаю, что ты мне не враг.

– Я тебе не враг, Гуннар, и уж конечно – не Грею.

– Тогда скажи ему. Мальчик растерян.

Я подавил чувство вины. Принятые решения повлияли на меня и коснулись и Грея.

– Проследи, чтобы парни не продырявили мне голову, ладно?

Я спускался по неровной тропинке, проходящей через лес, идя на шум стремительного потока воды. Грей сидел на массивном камне, курил сигарету и глядел на ручей.

Грей не поднял взгляд, хотя и слышал мои шаги. И все же напрягся. Вблизи он казался изнуренным и сильно похудел за те дни, что мы не виделись.

Я молча остановился позади него. Мне хотелось, чтобы он первым начал разговор, тем самым облегчив задачу. На этот раз трусом был я, но ощущение вины заставляло меня чувствовать себя неловко.

В конечном счете я откашлялся. Грей выбросил сигарету. Он выглядел старше, чем я помнил, на левой щеке красовался свежий порез.

– Ты что-нибудь скажешь? – спросил я.

По-прежнему – тишина.

– Может, объяснишь, почему ты хотел меня убить, предложив проехать по дороге с минами?

Должен признать, было чертовски больно думать, что Грей хотел меня прикончить. Он ненавидел меня настолько, что пожелал увидеть, как сводного брата разорвет на куски. Но, возможно, не стоило удивляться.

– Поклянись, что не убивал нашего отца, – прошептал он.

– Он был твоим отцом – и не очень-то хорошим.

Глаза Грея расширились от осознания.

– Ты в самом деле убил его! – Грей вскочил на ноги и толкнул меня в грудь, заставив попятиться. – Ты убил нашего отца, – повторил он.

Я поднял руки. Я не собирался драться с Греем.

– Он был не тем человеком, которому мы оба могли бы доверять.

– Ну и что? Он взял тебя в свой дом и вырастил, а ты предал и убил его.

– Нас воспитала мама, а Эрл сделал нас частью «Тартара». Для него мы были больше солдатами, чем сыновьями, и ты в курсе.

– Ты не имел права убивать его! – Грей отвернулся, сердито вытирая глаза.

Он был еще мальчишкой во многих отношениях. В нем нет жестокости, которой обладал я или Эрл. У Грея – доброе сердце. Пожалуй, со временем это изменится, особенно если он продолжит жить жизнью мотоклуба, но я не хотел, чтобы он был таким, как мы.

Почему-то я представлял, что Грей станет музыкантом и будет выступать в маленьких клубах со своей гитарой, распевая банальные песни о любви милым девочкам из провинциальных городков.

– Либо я пришел бы его, либо Лука Витиелло. Ты правда предпочел бы, чтобы он умер от рук этого безумца?

Вряд ли я смог бы убить Эрла легко, будь ситуация иной. Несмотря на неприязнь друг к другу и его попытку скормить

меня собакам, он считался отцом большую часть моей жизни.

– Он бы не умер, не сообщи ты Витиелло о нашем местонахождении. Ты предал нас и клуб. И меня.

Я впервые понял, что Грей не только зол и расстроен, но и пострадал от моих действий. Его глаза наполнились болью. Я попытался коснуться его плеча, но он отшатнулся, и я опустил руку.

– Тебе известно, почему я так поступил. Я объяснял. У меня и в мыслях не было предавать тебя, Грей. Ты ненавидишь то, что мы сделали, столь же сильно, как и я. Ты – не из тех, кто причинил бы боль невинной девушке. Но Эрл не желал прислушиваться к голосу разума.

Грей опустил на камень, прикурив другую сигарету.

– Найдется для меня? – спросил я. В заднем кармане лежало достаточно курева, но мне хотелось увидеть реакцию Грея.

Он протянул пачку, не проронив ни слова. Я взял сигарету, и Грей дал мне зажигалку.

– Я не хотел, чтобы ты подорвался, – пробормотал он.

Я выгнул бровь, сомневаясь.

Грей пожал плечами.

– Я был уверен, что ты меня не слушаешь – как и все остальные.

– Я бы послушал, если бы Гуннар не вмешался.

– Я бы тебя остановил.

Я решил ему поверить. Ситуация между нами уже достаточно запутана. Мне не хотелось подливать масло в огонь.

– Что случилось с твоей щекой?

– Я защищал тебя. Когда парни начали говорить, что ты угробил Эрла, я вступил в драку. Вытащил нож. Они тоже, и один из них порезал мне щеку.

– Повезло, что тебя не прирезали. Бои на ножах – не твой конек, Грей.

Он впился в меня взглядом.

– Не стоило тебя защищать. Я совершил ошибку. В итоге они оказались правы. Ты убил его. Я считал, итальянцы распускают слухи для того, чтобы тебя тоже пришили.

– Тебе известно, кто их распустил? – спросил я.

Грей отрицательно покачал головой.

– Я держался подальше от мафии. В любом случае я не стал бы ничего принимать за чистую монету. Как и слова Роланда и других парней, когда они рассказали мне об этом. Им наверняка известны имена.

Я должен с ними поговорить. Мне необходимо найти стукача, который желал моей смерти. Впрочем, список становился все длиннее и длиннее с каждым днем.

Грей встретился со мной взглядом, в его глазах промелькнул укоризненный блеск.

– Что тебе надо? Тебе здесь не рады. Половина «Тартара» хочет получить твою голову. Сомневаюсь, что ты приехал, чтобы повидаться со мной.

– Но это правда. Я волновался за тебя, – ответил я.

Грей усмехнулся.

– Я сбежал от мафии. Я смогу выжить один.

– Знаю. – Я вынул изо рта сигарету, которая почти догорела. – А что хочет другая часть «Тартара»? – спросил я с любопытством.

Грей сердито на меня посмотрел.

– Они допускают, что Эрла следовало осадить, и думают, что именно это ты и сделал. Но они опасаются тебя из-за итальянцев. Ты и впрямь работаешь на них?

– Не на них, но с ними, чтобы отыскать тех байкеров, которые по-прежнему верны Эрлу и намерены завершить то, что не сумел доделать он. Я защищу Марселлу любой ценой.

Грей скривил губы.

– Все говорят, что она держит тебя за яйца, потому что хочет использовать.

– У Марселлы нет причин использовать меня. Когда ее отец спас меня, она могла бросить меня, как ненужную вещь, однако позаботилась о том, чтобы я был в безопасности.

– Ты ее любишь?

Я размышлял над этим даже после того, как сказал ей о том, что чувствую. Никогда раньше я не говорил девушке ничего подобного, да и не знал, как понять, когда вы пересекаете грань между влюбленностью и настоящей любовью. Но думаю, отказаться от жизни, к которой привык, ради кого-то было неплохим показателем.

– Люблю.

Грей кивнул.

– Гуннар в курсе, кто распространил слухи? – Мне хотелось сменить тему. Как-то странно говорить с Греем о чувствах, особенно о любви. Я предпочитал держать эмоции и мысли при себе.

– Как и я, Гуннар предпочитает быть подальше от итальянцев. Ему едва удалось спастись.

Меня удивило, что Гуннар выбрался живым. Но должен признать, его одержимость тренировками, вероятно, пригодилась ему.

– Как по-твоему, мне точно опасно заводить разговор с парнями в хижине, чтобы выяснить, готовы ли они поделиться со мной кое-какой информацией?

Грей кивнул.

– Гуннар всерьез злится на тебя, если тебе вдруг интересно. Во всяком случае, посильнее, чем другие. В общем, если тебя кто-то и убьет, то именно он.

Гуннар не выглядел враждебно настроенным, по крайней мере, не больше, чем стоило ожидать. Будь я на его месте, тоже бы злился.

– Кто те ребята с Гуннаром? По его словам, Роланд здесь.

– Роланд вернулся сегодня утром после выполнения парочки поручений. Нам нужны были деньги, а остальные – обычные парни, которые покинули клуб сразу после того, как Эрл начал жаждать мести. Ричи, Курт. И еще Бин.

Я помнил каждого, однако не разговаривал с ними целую вечность.

– И никто из них не хочет пустить мне пулю в лоб?

– Послушай, если Гуннар тебя пока не убил, то и они, скорее всего, не станут. Среди нас нет людей, мечтающих прямо сейчас о твоей смерти. Но у Эрла по-прежнему много сторонников, особенно в Техасе. Они наверняка попытаются прикончить тебя и Марселлу. Ты можешь мне не верить, но я бы никогда тебя не предал, – пробормотал Грей. – Можешь уйти, если думаешь, что я заманиваю тебя в ловушку.

– Я доверяю тебе, Грей, – возразил я, но, если честно, почувствовал настороженность. Возможно, просто из-за своей подозрительности. – Ты должен уехать отсюда со мной. Я могу отвезти тебя к маме. Она переживает.

– Нет, Мэддокс. Мне некуда возвращаться. И я уже взрослый, чтобы снова жить с мамой.

Я не стал уточнять, что ему семнадцать и формально положено жить с матерью. У нас обоих никогда не было обычной семейной жизни, почему бы не начать сейчас?

– Ты мог бы не отказываться... – Но я даже не знал, где буду жить.

Мне негде остановиться. Выбрать одно из старых отделений «Тартара» – чересчур рискованно. У меня имелись деньги, но найти жилье в городе не вариант, да и заняло бы слишком много времени. И я сомневался, что Лука позволил бы мне спать в комнате Марселлы.

От последней мысли я едва не расплылся в улыбке, хотя спустя миг осознание того, что я и впрямь собирался жить с Марселлой под одной крышей, напугало меня до полусмерти. Черт, дело принимало серьезный оборот. Долго ли это продлится, учитывая определенные трудности с семьей Белоснежки?

– Я и близко не подойду к итальянцам, – добавил Грей.

– Держись подальше от неприятностей, хорошо?

– Думаю, тебе стоит прислушаться к собственному совету.

Тебя хотят убить больше людей, нежели я.

Я горько усмехнулся.

– Я намерен выяснить, кто они такие, и устранить максимум из них.

Глава 4

Мэддокс

Мы с Греем вернулись в хижину. Сводный брат зашел первым, исчезнув из виду на пару минут. До меня донеслось тихое бормотание, а после на пороге вновь появился Грей. Он кивнул мне, и я последовал внутрь.

Бин, Курт, Ричи, Роланд и Гуннар сидели за грубым деревянным столом, на котором стояли бутылки с пивом. Парни проследили за мной взглядом, когда я опустился на свободный стул.

– У тебя есть яйца, раз ты пришел сюда после того, что сделал. А я думал, принцесса Витиелло крепко держит тебя за них, – сказал Бин, усмехнувшись и продемонстрировав

черноту на месте отсутствующего переднего зуба.

Эрл выбил его и запретил Бину вставлять новый. Он должен был оставить щель как напоминание. Вскоре после этого, примерно два года назад, Бин стал «Кочевником», хоть и навещал нас.

– Она делает так в особых случаях, – ответил я, пожав плечами.

– Ты уверен, что она их не отрезала? – спросил Ричи.

Я указал на бутылку пива.

– Могу я взять? Бредовый разговор пробуждает желание выпить.

Гуннар подавил ухмылку и протянул мне бутылку.

– Продолжай. Но мы оба знаем, что ты здесь не ради любезностей и восстановления старых отношений, верно, Мэд?

– Хочу кое-что прояснить: я не имею ничего против вас. Я не охочусь за вашими головами, но при условии, что и вы не охотитесь за моей или Марселлы. Если вы не собираетесь причинить боль моей женщине, то я, мать вашу, вас не трону.

Ричи грохнул бутылкой об стол.

– Шестеро против одного, Мэд. У тебя стальные яйца, раз считаешь, что выживешь, если пойдешь против нас. У тебя даже нет оружия.

– С тобой я справлюсь. В последние несколько лет большинство из вас просто бездельничали. – Я замолчал: не был настолько самоуверен, чтобы думать, что сумею одолеть их

всех сразу. – И кто сказал, что я один? Теперь я работаю с мафией, не забывайте.

Роланд усмехнулся.

– Похоже, кто-то из итальянцев жаждет твоей смерти, Мэд. Сомневаюсь, что ты выбрал правильную сторону.

– И кто же? По слухам, ты говорил с людьми, которые хотят моей смерти.

– Не я, Мэд. Я стараюсь избегать людей Витиелло.

Гуннар косо взглянул на свою бутылку. Я прищурился.

– Это был ты?

Он вздохнул.

– Я столкнулся с тем мальчишкой-переростком примерно спустя пару дней после побега. Я еще был не в себе и достаточно глуп, чтобы спрятаться на одном из наших старых складов. Удар по голове сбил меня с толку.

– Мальчишка-переросток? Ты имеешь в виду Амо?

Гуннар кивнул.

– Ага. Пацан догнал меня вместе с другим парнем, и я был уверен, что они тут же меня прикончат, но гаденыш... в общем, Амо рассказал мне, что ты убил Эрла и теперь охотишься за другими членами «Таргара».

– И тебе нечем было больше заняться, кроме как распространять информацию?

Гуннар впился в меня взглядом.

– Ты ведь не надеялся на мою преданность? Я был чертовски зол в первые дни, когда у меня болела башка, и я не знал,

что ты позаботился о Грее, раз он выбрался оттуда живым. Я рассказал лишь одному или двум парням, а они, видимо, разболтали остальным. Но я не удивлюсь, если мальчишка Витиелло сообщил новости еще нескольким байкерам. Похоже, он точит на тебя зуб.

– Вероятно, ему не нравится мысль о том, как ты погружаешь свой уродливый член в рот и киску его сестры, – сказал Бин, ухмыляясь.

Я ударил его. Он вскрикнул и зажал рот. На меня сразу же направили несколько пистолетов.

Я поднял ладони.

– Не смейте оскорблять мою женщину.

Роланд покачал головой.

– Ты пытаешься сделать невозможное возможным, Мэд. Я дам тебе совет: беги от Витиелло, пока еще способен. Лучше жить с воспоминаниями о нескольких ночах с избалованной принцессой, чем умереть в тот момент, когда она потеряет к тебе интерес.

Все кивнули.

– Я пришел сюда не за советом по поводу отношений, особенно от вас, ребята. Мне требовалась информация, и я ее получил, спасибо. – Я встал. – Вы собираетесь восстанавливать «Тартар»?

Роланд и Гуннар переглянулись.

– Как только найдем президента.

Грей открыл было рот, но тут же закрыл, скрестив руки

на груди.

– Удачи, – добавил я напоследок. – Мне пора возвращаться.

– К итальянцам? – насмешливо спросил Бин.

– К своей женщине.

Я сжал плечо Грея.

– Позвони мне, если понадобится помощь, хорошо?

Грей встретился со мной взглядом и кивнул. Я надеялся, что брат примет мою поддержку.

– И навещай маму время от времени. Она волнуется.

Гуннар встал и последовал за мной.

Мы вышли из хижины.

– Сейчас у тебя больше врагов, чем друзей, Мэд. Убедись, что знаешь, кто есть кто. Ты принадлежишь этому месту. Наверное, у тебя не займет много времени, чтобы все осознать. Благодаря такому умному лидеру, как ты, мы могли бы восстановить то, что уничтожено.

Я натянуто улыбнулся.

– Вы справитесь и без меня. – И я зашагал к байку.

Я не мог отрицать, что, возможно, буду скучать по прежней жизни. По чувству безудержной свободы и братству, которое сложилось в первые годы после моего вступления в ряды членов «Тартара». Я мало что знал о мафии, но тот уклад Семьи, о котором я уже имел представление, вроде бы кишел старомодными традициями и лицемерными правилами.

Я не понимал, смогу ли вписаться в такой мир, но ради

Марселлы я попытаюсь.

А сначала, прежде чем думать о работе с кланом, не говоря о том, чтобы попытаться влиться в семью Марселлы, мне надо серьезно поговорить с Амо, мать его, Витиелло.

Марселла

Чтобы отвлечь меня от случившегося, мама организовала «девичий спа-день». В последний момент она записала нас в любимый салон красоты на маникюр и массаж.

– Скоро все станет как раньше. Ты забудешь о проблемах, – сказала мама с доброй улыбкой.

Но жизнь уже никогда не будет беззаботной, и я не стану прежней. В этот раз мы не вошли в салон через парадный вход, как обычно, а прокрались через служебный – с натянутыми на голову толстовками, как преступницы, дабы избежать любопытных взглядов.

К этому времени пресса уже пронюхала о моем спасении,

и поскольку адвокаты отца выпустили лишь короткое заявление без особых подробностей, сплетни стремительно множились. После просочившегося видео, на котором я была обнажена, все в стране заговорили о похищении Марселлы Витиелло.

Никто не смог хранить это в полной секретности, даже папа. И теперь все захотели знать о моем возвращении как можно больше.

Один из телохранителей прогнал папарацци, прятавшегося за мусорными баками, и разбил его несомненно дорогую камеру, а затем швырнул обломки в убегающего репортера. С этим, скорее всего, придется разбираться папиному адвокату.

Когда мы наконец сняли толстовки в спа-салоне, мама ободряюще сжала мою руку. В вестибюле пахло лимоном и мятой – знакомый аромат. Я уже потеряла счет тому, сколько раз мы с мамой проводили здесь «девчачьи дни».

– Рано или поздно пресса забудет о случившемся, Марси. Как и остальные. Они потеряют интерес. Нам просто надо залечь на дно ненадолго.

– То есть спрятаться.

Мама неуверенно посмотрела на меня.

К нам подошла Мэй – одна из сотрудниц. Она приветливо улыбалась, но я уловила любопытство в ее глазах. Она знала о произошедшем.

Забывать случившееся оказалось непросто.

Мне почти удалось расслабиться, пока парикмахер не попросила снять каффу, чтобы она могла как следует вымыть мои волосы для интенсивного увлажнения и ухода с целью придать прядям блеск.

– Она не может, – твердым голосом вмешалась мама. – Тебе следует быть осторожной.

Я сглотнула ком в горле. Расслабиться все же не получилось.

Следующий казус произошел, когда Мэй делала мне маникюр. Ногти были частично сломаны, а под некоторыми даже осталась кровь. Похоже, Мэй была не прочь задать вопросы, хотя и воздерживалась от них. Мама то и дело бросала в нашу сторону обеспокоенные взгляды, что было непривычно.

Последней каплей стал массаж.

– Снимайте одежду и устраивайтесь поудобнее, – сказала Мэй своим певучим голосом.

Я начала снимать халат, который надела в начале спа-дня, но мама предупреждающе коснулась моей руки. В ее глазах вновь появилась тревога.

– Наверное, сегодня мы пропустим массаж спины и сделаем упор на ноги, – обратилась она к Мэй.

Потребовалась пара секунд, чтобы понять почему. Из-за татуировки на спине.

Мэй застыла, как и я. Я опустила руку, оставшись в халате. Мэй массировала только икры и ступни, как и попросила

мама. Сеанс, конечно же, прошел великолепно, но я не смогла насладиться ни единым моментом.

Всю дорогу до дома я молчала и, даже когда мы оказались в особняке, не проронила ни слова.

Папа был дома, вероятно, потому, что мама ему написала.

Отец поцеловал меня в висок.

– Может, тебе стоит посидеть здесь несколько недель?

– Не хочу прятаться. Я не сделала ничего плохого, – отрезала я.

– Разумеется, так и есть, – сказала мама. – Ты ведь понимаешь, что мы защищаем тебя от общественности не по этой причине. Но тебе известно, какими могут быть люди.

– Им нужны сплетни, – прорычал папа. – Но лучше поискать их в другом месте.

– Я не собираюсь прятаться, – заявила я наконец. – Если не расскажу им свою версию, то они придумают какую-то другую историю. Чем дольше я прячусь, тем больше они уверены в том, что мне есть что скрывать, а последнее как раз указывает на чувство вины. Поэтому я не хочу скрываться!

Отец улыбнулся, его глаза зажглись восхищением и гордостью.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Через некоторое время у мэра Штайна состоится ужин, и я хочу там присутствовать. И я не намерена пробираться туда через черный ход или в толстовке, натянутой на лицо. Если папарацци хотят заполучить мое фото, то они его по-

лучат, но на моих условиях, как и раньше.

– Они попытаются поймать тебя в неожиданный момент, когда ты будешь наиболее уязвима. Возможно, даже сделают снимок твоего уха или татуировки, – мягко заметила мама, которая всегда старалась оберегать меня.

Я пожала плечами.

– Мне известны правила игры. Я сама играла с журналистами в течение многих лет, и они никогда не получали того, чего хотели. На все требовалось мое дозволение. И я не стану ничего менять. Они увидят татуировку, как только я изменю ее под себя, а насчет уха... – Я замолчала. Сложно отрицать, что очевидный изъян меня не волновал. Я всегда стремилась к идеалу, меня хвалили за безупречную красоту, а теперь было нелегко свыкнуться с несовершенствами. – Я не собираюсь прятать ухо и буду с гордостью носить этот шрам, как все мафиози, ведь у меня появился знак, а в жизни есть ситуации, за которые стоит расплачиваться.

– Я никогда не был так горд тобой, как сейчас, – проговорил папа.

Мама поцеловала меня в лоб.

Я знала – они сильно беспокоятся о том, что я стану частью Семьи и подвергнусь еще большей опасности. Однако то, что они восхищались той женщиной, которой я становлюсь, было важнее всего на свете.

Глава 5

Мэддокс

Последнюю ночь перед возвращением в Нью-Йорк я провел в палатке на обочине дороги, глядя на ночное небо. Голова кружилась от множества мыслей. Сегодняшнее прощание с Греем заставило меня задуматься. Несмотря на «увидимся позже», складывалось ощущение, что это наша последняя встреча. Даже если бы мы продолжили поддерживать контакт, встречи стали бы редкими. Работа с Витиелло и статус изгоя в мире байкеров привнесло в мое существование новые трудности. Какое там воссоединение семьи...

Я стану скучать – и по нему, и по моментам из старой жизни, – но ничто не вызывало во мне такого сильного чувства,

как желание вновь заключить Марселлу в объятия.

Но вместо того чтобы отправиться утром в «Сферу» для разговора с Витиелло или в особняк с целью увидеть Марселлу – если, конечно, мне бы позволили встретиться с ней без гребаного официоза, – я направился в приют для животных, надеясь наткнуться на Гроула. Оставалось загадкой, почему я почувствовал связь с не очень-то разговорчивым человеком. Наверно, потому, что и он был в прошлом врагом Витиелло и каким-то образом сумел стать частью его команды.

Подъехав к знакомой дорожке, я сразу заметил недавно установленные камеры наблюдения, прикрепленные к высоким столбам. Готов поставить свои яйца, что здесь установлены и детекторы движения, и я даже знал, по какой причине они внезапно появились. Из-за меня. Ну и, может, из-за другой части «фан-клуба» Эрла. Хотя точно – из-за меня.

Затормозив перед домом, я ухмыльнулся и помахал рукой, уверенный, что кто-то меня да увидит.

Когда я снял шлем и слез с мотоцикла, то обнаружил девушку с длинными черными волосами. Сердце забилося от волнения. Черт. Я соскучился.

Марселла присела на корточки перед огороженной территорией, где Гроул держал ротвейлеров. Было неожиданно увидеть ее здесь – и невозможно описать поток эмоций, захлестнувших меня с головы до пят. Марселла повернулась на звук двигателя, и, как и в первый раз, когда я ее узрел,

все внутри меня затрепетало. Сомневаюсь, что это когда-либо изменится. Не только из-за ее красоты, но еще из-за того, как она двигалась, держалась – и как огонь пылал в ее глазах. Проклятье.

Гроул, стоявший рядом, закрыл ее собой, а потом взял за руку, словно я представлял угрозу. Жест явно говорил о недоверии. Трудно сказать, удивился ли Гроул, заметив меня. И причастен ли он к распространению информации об убийце Эрла?

Марселла точно не была. Она высвободилась из хватки Гроула и бросилась ко мне. Я ухмыльнулся ее рвению, пока не понял, что она не выглядела счастливой. Она была чертовски рассерженной.

Черные волосы развевались на ветру, на ней были темно-синие джинсы, простая белая футболка и белые кроссовки, но даже увидев ее в обычной одежде, у меня перехватило дыхание.

Проблеск сомнения, который я чувствовал ночью по поводу всего, от чего уже отказался – и собирался отказаться – ради Марселлы, моментально испарился. Она того стоила.

Марселла застыла передо мной, в ее глазах сверкала ярость.

– Четыре дня от тебя ни слуху, ни духу!

Я потянулся к ней, жажда поцелуя, прикосновения, чего угодно, но она оттолкнула мою руку, как надоедливую муху, ее злость только усилилась.

– Ты сбежал. Я думала, ты ушел навсегда. Решила, ты наигрался со мной.

– Черт, Белоснежка, – пробормотал я. – Я, мать твою, убил Эрла ради тебя. Предал клуб ради тебя. А ты посчитала, что я забавлялся с тобой? Будь это так, я бы являлся наихудшим игроком, потому что ты выиграла все. Ты взяла большой куш.

Она всматривалась в мои глаза, пытаясь отыскать в них искренность. Ей еще следовало поработать над доверием ко мне, хотя, пожалуй, не ей одной. Нам обоим.

– Тогда почему сбежал?

– Хотел убедиться, что Грей в порядке. В последний раз, когда я видел брата, он смотался от твоего отца и его солдат незадолго до того, как меня вырубил.

– Почему ты не мог предупредить, что собираешься проведать брата? Я не понимаю, почему ты улизнул тайком. Согласись, выглядело подозрительно.

– Я не мог сказать тебе, куда собираюсь, поскольку кто-то обнародовал информацию о том, что я убил дядю. И пока я не узнаю, кто сдал меня, не могу рисковать, разбалтывая, что ищу брата. Это бы подвергло опасности и его, и меня.

Она усмехнулась.

– Мог бы сказать мне. Ты можешь полагаться на меня. Не я слила информацию, если это вдруг тебя так беспокоит.

Расстояние между нами сводило меня с ума. Я хотел прижать Марселлу к груди и уткнуться носом ей в шею.

– Я понимаю, что это не ты, и я тебе доверяю.

– Явно недостаточно. – Она отвернулась в сторону конуры, сжав пухлые губы и нахмурив темные брови.

Я стиснул зубы. Она права. Но и она до сих пор мне не особо верила.

– Почти всю нашу жизнь мы не знали друг друга, а большую ее часть вообще были врагами.

Поразительно, как сильно я рисковал ради женщины, которую увидел воочию совсем недавно, но в глубине души не сомневался, что сделал бы это снова.

Марселла способна взглядом заморозить ад. Она была не на шутку рассержена. Однако я полагал, что причина не только во мне.

– Кто? Кто слил информацию о тебе?

Я вздохнул. Я не готов к такому разговору. Марселла целиком и полностью предана родной семье, нападение на Амо не принесло бы мне дополнительных очков, но я не стал ей врать.

– Твой брат.

Она напряглась, незамедлительно помотав головой.

– Амо не пошел бы против приказа отца, а папа не позволил бы информации утечь. Твои данные фальшивы. Амо бы так не поступил.

Я приподнял брови. Я ожидал подобной реакции. Ее отношение к отцу незыблемо.

– Точно? По мне, у него есть все основания. И ему незачем

бояться последствий. Твой отец никогда бы не убил Амо за проступок, как своих солдат.

– Но для чего ему... – Марселла задумалась. Конечно, она уже нашла сотню доводов, по которым ее брат и остальные члены Семьи хотели, чтобы мои старые приятели-байкеры узнали, что именно я убил Эрла.

С таким же успехом она могла бы приставить пистолет к моей голове. Долгие годы мы были врагами и до сих пор ими оставались. Я боялся, что мы будем ими еще какое-то время – даже если Марселла хотела другого.

– Я с ним поговорю, – решительно сказала она.

Я бы лично разобрался с Амо, однако в итоге мог всадить пулю ему в лоб. Наверное, будет лучше, если Белоснежка пообщается с братом. Незачем, чтобы Амо, мать его, Витиелло положил конец нашим с Марселлой отношениям.

Тем временем Гроул подошел ближе, и его настороженный взгляд дал мне понять: он готов вмешаться, если понадобится. Я ухмыльнулся, на что он, конечно же, ничего не ответил. Улыбка не входила в стандартный набор эмоций Гроула.

– Все думали, что ты сбежал, потому что хотел свободы, – заметила Марселла гораздо мягче.

– И ты тоже?

Марселла никак не отреагировала, лишь внимательно наблюдала за мной.

– У тебя когда-нибудь закрадывалась мысль об этом?

Я шагнул к ней. Черт. Мне необходимо прикоснуться к ней, иначе я сойду с ума.

– Даже если бы и закрадывалась, сейчас-то я здесь. Ты в моей душе и в сердце, и я уже не смогу без тебя.

Марселла покачала головой.

– Если ты думаешь, что быть со мной – означает потерять свободу, тогда, пожалуй, нам не надо быть вместе.

Она что, черт возьми, серьезно? Схватив ее за шею, я при-тянул ее к себе, страстно целуя.

На мгновение она прижалась ко мне, ее губы расслабились, приоткрываясь, приглашая внутрь, но затем она оттолкнула меня, ее взгляд был свирепым.

– Хочешь прощальный секс?

– Чушь собачья, Марселла. Я хочу проводить с тобой каждый день в жизни. Мне ничего больше не нужно. Неужели ты и правда считаешь, что секс стоит такого взгляда? – Я кивнул на Гроула, который глазел на меня, как на реальную угрозу, заставляя чувствовать себя в Семье «как дома».

Белоснежка все еще не выглядела счастливой. Казалось, она просто сильнее распалилась, если такое вообще возможно.

– Если мы не намерены расставаться, то ты должен понять: быть со мной – не значит лишиться свободы. Не собираюсь я быть твоими оковами. И ты должен мне все рассказать. Не врать, ни в коем случае не умалчивать.

– Я не врал! – прорычал я.

Гроул напрягся. Я усмехнулся. Как же он занервничал! Можно подумать, я способен причинить боль Марселле. Не перестань громила действовать мне на нервы, единственная кровь, которую я бы пролил, была бы его.

Она ткнула пальцем мне в грудь.

– Ты слинял, не поставив меня в известность.

– Да. И мне жаль, но это позволило мне уладить дела раз и навсегда.

Гроул теперь разговаривал по телефону. Не нужно быть ясновидящим, чтобы догадаться – его собеседником стал Лука.

– С твоим братом?

Я кивнул.

– С ним и парочкой братьев-байкеров.

Марселла с любопытством склонила голову.

– Разве они не видят в тебе врага?

– Они побаиваются меня, это уж точно, но они – «Кочевники». И покинули клуб именно потому, что им не нравились методы управления Эрла, так что они не пролили много слез из-за его смерти.

Гроул подошел еще ближе.

– Побеседуем? – Он указал на мой байк.

Марселла отступила, а я последовал за Гроулом.

– Тебе не стоило приезжать сюда. Сначала ты должен был посоветоваться с Лукой, особенно перед встречей с Марселлой.

Я хмыкнул.

– Я – не один из людей Луки и могу делать все что угодно. – Мой взгляд снова и снова возвращался к Марселле.

Она присела на корточки перед забором и болтала с ротвейлером, устроившимся напротив. Я не знал, почему не мог отвести взгляда, было ли дело в том, как джинсы подчеркивали ее округлую попку, или мягкое выражение лица Марселлы, когда она обращалась к собаке.

– Такие женщины, как она, не заслуживают слушать чушь ни от кого, они достойны наилучшего, – прохрипел Гроул, проследив за моим взглядом.

– Не надо повторять мне, что ей надо предоставить. У нее есть Семья. И теперь в ее жизни появился я.

– Моя жена заслуживала лучшего, когда мы встретились впервые, но я поработал над тем, чтобы стать достойным ее.

– Я как раз и планирую это делать, – ответил я. – И я помогу Марселле и клану Семьи.

Гроул посмотрел на меня с невозмутимым спокойствием.

– Тебе стоило явиться к Луке, прежде чем приезжать сюда. Если хочешь, чтобы тебя приняли, должен соблюдать правила.

– Забавно, что ты твердишь о правилах, учитывая, что в клане есть люди, которые, похоже, их не соблюдают, так как информация об Эрле распространяется.

Выражение лица Гроула не изменилось. Если новость и удивила его, то громила не подал вида. Или, быть может, ему

просто наплевать. Он смахивал на человека, заботящегося только о своих собаках и жене, о которой он упомянул.

– А теперь я вернусь к Марселле. Доложи Луке, если хочешь.

Он не задержал меня, но буравил взглядом, пока я шел к Марселле. Бдительные глаза Гроула прожигали во мне дыру.

Марселла на секунду подняла голову, и образ Белоснежки, сидящей на корточках, подарил мне поток мыслей, в которых прямо сейчас определенно не следовало нуждаться.

Я присел рядом с ней.

– Это Сатана?

У собаки были знакомые шрамы, она смотрела на меня глубокими карими глазами.

– У нее теперь новое имя. – Марселла задумалась. – Мне не нравилось звать ее Сатаной.

– Собаки привыкают к кличкам.

Марселла пожала плечами.

– Ей пришлось по нраву новое имя. Я выбрала Сантана, потому что оно созвучно со старым, но зато все будут знать, что она девочка.

Я ухмыльнулся. Ну конечно. Вряд ли собаке есть дело до того, какого рода ее кличка. Тем не менее забота Марселлы о ротвейлере поразила меня.

Белоснежка встретилась со мной взглядом.

– Почему ты так на меня смотришь?

Было заметно, что она постепенно оттаивает по отношению ко мне, хотя еще немного злится и, возможно, малость сбита с толку из-за брата.

– Я скучал по тебе, по твоему прекрасному лицу и даже по сердитым глазам, но больше всего – по ощущению твоих губ. – Я лукаво улыбнулся, но она лишь приподняла брови и толкнула меня, даже не моргнув.

Черт. Эта девушка могла быть настоящей снежной королевой.

Я перевел взгляд с Марселлы на ротвейлера. Я вырос с собаками этой породы, но не научился с ними обращаться.

– Ты и впрямь хочешь такую собаку?

– Гроул знает, как социализировать их. Мне сложно объяснить, но я чувствую странную связь с ней. Сантану тоже заперли в клетке, и поначалу мы не особо ладили друг с другом.

– Напоминает нашу историю любви.

Марселла возмущенно уставилась на меня, однако не отрицала сказанное про любовь. Долгое время мы просто смотрели друг на друга.

– Как странно быть вместе в этом мире...

Я кивнул, поскольку думал то же самое, и махнул рукой на Сантану.

– Если ты правда хочешь взять ее, то я могу забрать, как только найду жилье. Ты сможешь приходить в гости либо вообще переехать. – Я вздрогнул от собственных слов. Не ве-

рилось, что я предложил жить вместе.

Марселла подавила улыбку и нахмурилась.

– Звучит здорово: ты заберешь Сантану к себе. Но с переездом и прочими вещами... наверное, стоит подождать. Надо дать Семье привыкнуть к тебе и особенно к нашей связи. – Она замолчала. – Впереди нас ждет долгий путь. То, что произошло... боюсь, случившееся может повлиять на наши отношения. Мы еще не полностью доверяем друг другу, нам предстоит преодолеть много трудностей. – Она тихо вздохнула, сейчас она выглядела чуть ли не напуганной.

Обхватив ее лицо ладонями, я наклонился над ней.

– Я хочу быть с тобой, Марселла. Мне ничего больше не нужно. Черт, я думаю о тебе каждую гребаную секунду. Если не хочешь торопить события, так тому и быть. Мы со всем справимся, независимо от того, что будет впереди. Хоть твой брат и мечтает меня убить.

Марселла вздохнула – теперь уже глубоко.

– Надеюсь, ты ошибаешься насчет Амо. Может, твои приятели-байкеры солгали, чтобы вбить клин между нами.

– Байкеры не бросают слов на ветер. Будь у них проблемы, они бы быстро решили их, пристрелив меня. А люди, пытающиеся убить меня с помощью других, точно члены твоей семьи, хотя Витиелло и обещали оставить меня в живых.

Марселла прищурилась.

– То есть не один Амо, но и вся моя семья желает тебе смерти?

Рядом появился Гроул.

– Лука хочет поговорить с тобой в офисе «Сферы».

Я не был обескуражен тем, что Гроул созвонился с Лукой, а тот намерен меня увидеть. Меня не тянуло общаться с отцом Марселлы, во всяком случае, пока не узнаю, причастен ли он к утечке информации.

– У тебя уже есть место для собаки? – спросил я, показывая на Сантану.

Гроул отрицательно покачал головой.

– Слишком много ротвейлеров с кучей проблем. Они никогда не покидали питомник. И не привыкли жить в семье.

– Но она еще молода, ей два года, она ведь приспособится?

– Если приложить терпение и время, она сможет.

– Тогда я хочу забрать ее, когда найду жилье...

Марселла с легкой улыбкой погладила собаку через решетку. Волосы Белоснежка откинула набок, и ужасная татуировка, сделанная Эрлом, просвечивала сквозь белую ткань футболки. Прошлой ночью после разговора с Греем я ненадолго ощутил груз вины за то, что убил дядю. Сейчас это чувство улетучилось и сменилось разочарованием и гневом, которые я испытывал перед смертью Эрла.

Мои глаза метнулись к уху Марселлы, чуть прикрытому волосами и заклеенному пластырем.

Марселла поймала мой взгляд, ее движения стали скованными, прежде чем она вновь сосредоточилась на собаке.

Гроул прервал напряженное молчание:

– В доме, где я раньше жил, есть отличная меблированная квартира.

– Полагаю, она принадлежит Семье?

– Это недвижимость Луки.

– Я посмотрю, смогу ли найти собственное жилье.

Марселла поднялась на ноги.

– Я пойду с тобой на встречу с отцом.

– Лука приказал мне отвезти тебя домой, – сказал Гроул.

– Я отправлюсь в офис, – решительно продолжала Марселла.

Вероятно, Гроулу не понравился подобный расклад.

– Я буду тебя сопровождать.

– Хорошо, – любезно согласилась Марселла. – Но я еду с Мэддоксом.

– Я не могу такое позволить. Приказ твоего отца был четким. Сейчас тебе нельзя оставаться с Мэддоксом наедине.

В глазах Марселлы вспыхнул гнев, но было очевидно, что она попыталась сдержать грубый ответ. Она мимолетно кивнула. Я наклонился к ней.

– Скоро у нас появится достаточно времени, чтобы остаться наедине. Я докажу Луке, что он может доверить мне самое ценное. Используй это время, чтобы поговорить с братом. Узнай у него подробнее об утечке информации.

У меня появилось предчувствие, что встреча с Лукой не приведет ни к чему хорошему. Амо по-прежнему казался буйным и был способен слить сведения обо мне.

Она благодарно улыбнулась, но я чувствовал – Белоснежку раздражали приказы отца.

– Если ты будешь жить в одном из наших многоквартирных домов, тогда нам будет проще видеться. Папа не позволит мне посещать какое-либо место, которое он не сумеет защитить должным образом, особенно после похищения.

Конечно, она права. Мне не хотелось жить под бдительным взором Витиелло, однако я проглочу гордость до тех пор, пока Лука не сообразит, что я не собирался причинять боль его дочери.

– Пошли, – буркнул Гроул. – Нам лучше поторопиться. Луке не понравится, если мы опоздаем.

– Мы точно не хотим его злить, – сказал я с сарказмом и подмигнул Марселле.

Она взяла меня за руку и встала на носочки, шепча на ухо:

– Он постарается усложнить тебе задачу настолько, насколько возможно. Он надеялся, что ты сбежал, но теперь, когда ты вернулся, он и другие мужчины Семьи подвергнут тебя испытаниям, пока ты не поймешь – оно того стоит.

– Они могут протащить меня через ад столько раз, сколько пожелают. Но им следует быть в курсе, что я тоже могу устроить для них ад.

– Не сомневаюсь, – ответила Марселла и запечатлела легкий поцелуй на моей щеке, прежде чем последовать за Гроулом к машине.

Витиелло не собирался отдавать дочь без боя. Он реши-

тельно настроился на то, чтобы помочь Марселле обрести душевное спокойствие после всего, через что она прошла, надеясь, что она устанет от меня, когда вернется к прежней жизни.

Часть меня боялась этого, но я буду бороться изо всех сил, чтобы не расставаться с Белоснежкой. Я пойду против ее отца и всех тех, кто намеревался встать на моем пути.

Глава 6

Марселла

Я гладила Сантану по голове, когда к тротуару подъехал мотоцикл.

Гроул сразу же прикрыл меня, крикнув худощавому парню-помощнику, чтобы тот достал ружье. От страха у меня участился пульс, но когда я заметила Мэддокса, то затрепетала от возбуждения. Сердце забилось так быстро, что я чуть было не упала в обморок. Я поклялась, что если когда-нибудь увижу его снова, то не позволю эмоциям взять вверх надо мной, но сейчас поняла – я не способна сдержать обещание.

Из-за синяков и порезов на лице и руках Мэддокс выглядел ужасно. Он стоял и смотрел на меня, замерев на месте, отчего мое возбуждение резко сменилось на ярость. Навер-

ное, он был удивлен, потому что больше не намеревался меня увидеть и не ожидал встретить здесь.

Когда я собралась сделать шаг, чтобы броситься к нему, Гроул схватил меня за руку.

– Отойди. Я ему не доверяю.

Почему Мэддокс примчался именно сюда? Если он и впрямь сбежал, то ему нет никакого смысла приезжать в приют Гроула. Наши взгляды встретились, и на его лице расплылась улыбка. Меня захлестнула злость, и я потеряла контроль.

Высвободившись, я побежала к Мэддоксу, радуясь, что надела кроссовки. Его улыбка исчезла, на лице отразилось замешательство.

Частица меня хотела броситься в его объятия. Но, к счастью, гнев сдерживал глупое сердце. С каждым словом, вылетающим из уст Мэддокса, негодование угасало, во всяком случае, по отношению к нему самому, а ярость сменилась тоской по этому мужчине. Но я не поддавалась чувству окончательно. Мне еще нужно узнать правду обо всем, прежде чем позволить эмоциям взять верх.

* * *

Гроул высадил меня у дома, но остался ждать в машине, чтобы потом отвезти в «Сферу». Надеюсь, разговор с Амо не продлится долго, и после я смогу отправиться на встречу

между папой и Мэддоксом, чтобы сказать последнему, что мой брат не сливал информацию.

За ее утечкой наверняка стояли приятели-байкеры Мэддокса.

Я нашла Амо в спортзале, располагающемся в подвале. Когда я вошла, он отжимался. Никогда не понимала привлекательности в таких тренировках. Мне нравилось заниматься спортом при дневном свете, однако брат всегда выбирал подобные места, вероятно, чтобы полностью отключиться от внешнего мира.

Вот и сейчас Амо отжимался с такой злостью, словно лично его оскорбил. Я прислонилась к дверному косяку, одновременно удивляясь и поражаясь сосредоточенности брата. Я любила его столь же сильно, как маму, папу и Валерио. Мне не хотелось верить, что он желал убить человека, который неотвратимо занимал место в моей душе. Когда сегодня Мэддокс подъехал к приюту, сердце бешено забилося, не оставив в этом никаких сомнений.

– А не слишком ли странно любоваться, как твой брат тренируется?

Я закатила глаза.

– Фу, Амо. Не мне тобой любоваться. – Я прошла вперед, сморщив нос от резкого запаха пота. – Удивлена, что ты меня заметил, учитывая, как ты состязался в гляделки с полом.

– Я – мафиози. Крайне важно уметь замечать людей, подкрадывающихся втихую. Вдруг они захотят воткнуть нож

мне в спину?

– Кстати о ноже, – сказала я, прищурившись. – Я говорила с Мэддоксом.

– Я слышал, женишок вернулся, – пробормотал Амо, даже не пытаясь скрыть недовольство. Он вскочил на ноги и вытер волосы полотенцем.

– Да, верно.

– И ты врезала ему по яйцам, как и обещала, или же виляла перед ним хвостиком?

– Мэддокс знает, что я злюсь, не переживай, но детали нашего разговора останутся только между нами. Не собираюсь обсуждать с братом свои личные отношения.

– Отношения? – Амо усмехнулся. – Ты и правда хочешь быть с тем, кто пропадает на несколько дней без предупреждения?

– У Мэддокса были на то причины. – Впрочем, он не до конца меня убедил, но Амо не нужно знать подробности. – Мэддокс сообщил, что кто-то слил информацию о том, что он убил дядю.

– У него не очень много поклонников. – Амо бесцеремонно бросил полотенце на скамейку, прежде чем посмотреть мне прямо в глаза. Его лицо ничего не выражало. До моего похищения он не был искусным лжецом, по крайней мере для меня, однако сейчас стало сложно увидеть хоть что-то сквозь непробиваемую маску, которую он приобрел с некоторых пор.

– Меня больше волнует список смертельных врагов Мэддокса в нашей семье.

Амо по-прежнему пристально смотрел на меня.

Меня сводило с ума то, что я не сумела прочитать ни единой эмоции.

– Чтобы вывести парня из игры, нужно быть с ним в одной команде, но мы – в разных.

– Хватит ходить вокруг да около, Амо. Ты должен сказать правду. Ты распространил информацию, что Мэддокс убил Эрла?

– Я, – непринужденно ответил он. Ни оправданий, ни извинений, ни сожалений, лишь суровая истина.

Я помотала головой, пытаюсь подобрать слова и не утонуть в раздражении и разочаровании.

– Ты надеялся, что другие байкеры убьют Мэддокса, если узнают.

Амо ухмыльнулся.

– Да, так и есть, но, как и всегда, гребаные байкеры лишь разочаровывают.

– Не смей улыбаться! – Я кипела от злости. – Ты обещал не убивать Мэддокса!

– Ничего подобного, и формально не я бы убил Мэддокса, если бы дружки-байкеры прикончили его. Его смерть была бы на их руках.

– Потому что ты...

– ...выложил им правду, – перебил Амо, пожав плечами. –

Уайт должен понести ответственность.

Я врезала Амо по руке, но он лишь усмехнулся.

– Отец в курсе, что ты действовал за его спиной? – спросила я.

Амо склонил голову набок.

– А что? Собираешь меня сдать?

– Нет. Но ты должен ему рассказать. Если ты ничего не предпримешь, он может повесить вину на кого-то другого, и невинного человека убьют. Но ты, очевидно, ничего не сделаешь.

Теперь выражение лица Амо чуть изменилось, и в моем мозгу раздался тревожный звоночек.

– Только не говори, что папа знал.

Амо потянулся к бутылке на скамейке и сделал большой глоток, явно выигрывая время. Вот я и получила ответ на вопрос.

– Не могу поверить! – Я взорвалась. Не могла вспомнить, когда в последний раз так рассвирепела. – Кто еще знал? Безусловно, Маттео. Ромеро? Гроул? А может, все, кроме глупой беспомощной принцессы Витиелло?

– Избалованной принцессы, – поправил Амо в жалкой попытке пошутить.

Я отвернулась, иначе бы ударила его снова. Мне одновременно хотелось кричать от злости и плакать: ведь от меня опять что-то скрыли и приняли решения, даже не посоветовавшись.

– Ты никогда не будешь пытаться убить Мэддокса, ясно? – Мой голос был ледяным, пронизанным возмущением, и не дрожал, как я – внутри.

Я искоса посмотрела на Амо: брат долго глядел на меня и покачал головой, глубоко вздохнув.

– Хоть раз в жизни послушай меня и брось Уайта, пока он не разрушил все, ради чего ты трудилась, или пока он не развалил нашу семью.

– Нет и не было ни единого дня в году, когда я бы обратилась к тебе за советом по отношениям – и уж точно не теперь. И когда я говорю, что ничто не может разрушить нашу семью, кроме нас самих, тебе стоит прислушаться. Если мы начнем лгать друг другу, то потеряем непоколебимое доверие Витиелло. А до сегодняшнего момента я полностью тебе доверяла.

Амо казался всерьез озадаченным.

– Ты можешь не сомневаться во мне, Марси. Я бы умер за тебя. Когда я ворвался в логово байкеров, то приготовился к гибели, лишь бы спасти тебя от ублюдков.

Непрошенные слезы хлынули наружу. В день моего освобождения в глазах Амо горела решимость, а сейчас правдивость сказанных им слов поразила меня.

– И Мэддокс был готов умереть за меня.

– Вот его единственная положительная черта.

Я помотала головой.

– Прошу тебя, постарайся побороть ненависть к Мэддок-

су. Ради меня. – Не став ждать отвела Амо, я развернулась и направилась наверх, а потом и к машине Гроула. Я плюхнулась на пассажирское сиденье. – Давай в «Сферу».

Прежде чем Гроул отъехал от тротуара, откуда ни возьмись появился Амо, одетый только в спортивные шорты и новую футболку. Он постучал в заднюю дверь, и Гроул открыл ее, чтобы брат залез внутрь.

– Я с тобой, Марси. Мы должны разобраться с проблемами как одна семья.

– Будут ли в офисе мама с Валерио? – саркастически спросила я.

– Мама не в курсе, не сердись на нее.

Разумеется. Папа часто скрывал многое от мамы с целью защитить, чтобы она не расстраивалась. Тем не менее она почти всегда обо всем узнавала, но убеждала отца, что ни о чем не догадывается, как он и хотел. Но меня не тянуло играть в такие игры. Меня не нужно защищать от правды.

Я в состоянии справиться с чем угодно и сегодня наконец заставлю отца кое-что понять. Папа видел во мне вторую версию мамы, хрупкую девушку, которую нужно оберегать. Я любила маму и была благодарна за черты, унаследованные от нее, однако многие особенности характера я получила от папы. Он не хотел это видеть, хотя стоило, если я и вправду намеревалась использовать шанс жить самостоятельной жизнью и стать частью бизнеса... и быть с Мэддоксом, в первую очередь быть с ним.

Мэддокс

Припарковавшись в переулке возле «Сферы», я слез с байка. Мне не были известны точные приказы Луки, но как только я подошел к вышибале у входа, у меня появилось чувство настороженности. Он напрягся, когда заметил меня.

Надеюсь, разговор Марселлы с братом не продлится долго. Во-первых, я хотел увидеть ее снова и не был в восторге от встречи один на один с Лукой Витиелло. Пусть я ничего и не сказал Марселле, но у меня по-прежнему закрадывалось подозрение насчет причастности ее старика к распространению информации. Он желал моей смерти и искал способы убить меня, не нажимая на курок самостоятельно.

Вышибала что-то произнес в гарнитуру, висящую на ухе, затем кивнул.

– Босс ждет тебя в кабинете.

– Мне и тут хорошо. Я покурю, пока не приедут Марселла и Гроул.

Лицо мужчины помрачнело.

– Босс хочет видеть тебя сейчас, так что иди.

Я приподнял бровь.

– Можешь попробовать затащить меня внутрь, но в таком случае я должен сказать, что надеру тебе задницу.

Ошеломленный громила уставился на меня. Затем и вправду бросился в мою сторону. Уклонившись, я, как и обещал, надрал ему задницу. Он столкнулся со стеной соседнего здания и развернулся, готовый вновь ринуться в атаку. На этот раз с ножом. Я швырнул сигарету на землю, потушив окурок ботинком.

– Как бы ни было приятно за вами наблюдать, но Лука ждет тебя, поэтому шевелись, Мэддокс, – зевнул появившийся откуда-то Маттео. Он прислонился к дверному косяку и сложил руки на груди.

Наши взгляды пересеклись, и холодная расчетливость в его глазах дала мне понять, что и он не рад моему появлению. Я пожал плечами, с вызовом ухмыльнувшись вышибале. Мое тело испытывало благодарность за предотвращение драки. Нужно было проверить ребра на предмет возможных переломов, но еще мне требовались деньги на байк – старенький «Харлей», который я недавно приобрел, доставлял слишком много хлопот – и на новое жилье, поэтому я не мог потратиться на лечение.

- На «Кавасаки» была царапина, – проворчал Маттео.
- Это не ко мне, я знаю, как обращаться с мотоциклами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.